PG 3232
.M4
1845

ИЗЪ БИБЛІОТЕКИ

ДЛЯ ЧТЕНІЯ,

М. Д. Ольхина.

№ 6657.

На Невскомъ проспектѣ, противъ Арсенала Аничкова Дворца, въ домѣ Завѣтнаго.

U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1925

Class PGR 253

Book M48

YUDIN COLLECTION

Meteor, na. 1845 god.

МЕТЕОРЪ,

На 1845 годъ.

Санктпетербургъ.

PG3232
.M4
1845

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 5 Апрѣля 1845 года.

Ценсоръ *А. Никитенко.*

104637
97

ЕР 19
88 1154 12
2/21/88

Типографія Штаба Отдѣльнаго Корпуса Внутренней Стражи.

МАГНЕТИЧЕСКІЙ СОНЪ.

—

Тяжело и легко,... и въ волненьи душа
Оторваться желаетъ отъ тѣла....
Бьетъ крылами она, все куда-то спѣша,
Волю-бъ дать ей, — она-бъ улетѣла!

Грезы ходятъ кругомъ,.... и манятъ и зовутъ,
И зовутъ за предѣлы земнаго.
Такъ неясны онѣ... а какъ много даютъ
Сладко-томнаго, грустно-святаго.

И вотъ зеркало вдругъ показалося мнѣ,
И мнѣ голосъ шепнулъ безсловесный:
«Посмотри, посмотри! въ вѣщей той глубинѣ
Жребій твой отразится чудесно!»

И послушна ему, въ роковое стекло
И душою и окомъ вникаю;
Но прозрѣнье мое не довольно свѣтло, —
Бѣглыхъ призраковъ смысла не знаю.

И чѣмъ больше смотрю, и чѣмъ больше мой взоръ
Углубляется въ рамѣ блестящей, —
Тѣмъ сильнѣй мой порывъ, тѣмъ сильнѣй мой просторъ,
И забытъ ужь весь міръ настоящій.

Но тѣлесныя цѣпи все держатъ меня,
Но оковы земли не пускаютъ....
Еще мигъ,— и я вновь чую грузъ бытія,
А туманы міръ снова застилаютъ....

Гр. Е. Ростопчина.

С. П. Б. Январь 1843.

3385
5733

ТОСТЪ.

—

Чаши рдѣютъ, словно розы,
И въ развалъ ихъ вновь и вновь
Винограда брызжутъ слезы,
Нервный сокъ его и кровь.
Эти чаши днесь воздыземъ,
И склонивъ къ устамъ края,
Влагу свѣтлую пріимемъ
Въ честь и славу бытія,
Общей жизни въ честь и славу,
За ея всесвѣтный тронъ
И всемірную державу
Поглотимъ струю кроваву
До осушки стклянныхъ донъ!

Жизнь... она средь прозы чинной
Увядала бы, какъ злакъ, —
Какъ была-бъ она пустынна
Безъ поэзіи! — И такъ
Сей фіалъ за музъ прекрасныхъ,
За богинь сихъ сладко-гласныхъ,
За возвышенныхъ пѣвцовъ —
Сихъ изящнаго жрецовъ,
За присяжниковъ искуства,
Вѣщихъ мучениковъ чувства,
Показавшихъ на землѣ

Свѣтъ небесъ въ юдольной мглѣ,
Бронзу въ нѣгѣ, мраморъ въ мукахъ,
Умъ въ аккордахъ, сердце въ звукахъ,
. . . . въ краскахъ, міръ въ огнѣ —
Жизнь и смерть — на полотнѣ!

Жизнь — сіяй! Твой свѣточъ — разумъ.
Да не меркнетъ подъ тобой
Свѣтъ сей, вставленный алмазомъ
Въ перстень вѣчности самой!
Вѣнчанъ лавромъ или миртомъ —
На подобіе сихъ чашъ,
Буди налитъ черепъ нашъ
Сокомъ думъ и мысли спиртомъ!
Да отъ запада на югъ,
На востокъ и нордъ — вокругъ —
Чрезъ вѣка и поколѣнья,
Свѣтитъ солнце просвѣщенья
И созвѣздіе наукъ!

Други! чтоже свѣтъ безъ тѣни?
День безъ вечера? — И такъ
Да не будетъ изгнанъ мракъ
Сердцу милыхъ заблужденій!
. . . . . .
. . . . . .
Да не дремлетъ ихъ царица,
Кѣмъ изглажена граница
Между смертныхъ и боговъ —
Пьемъ: да здравствуетъ любовь!
Пьемъ за милыхъ — вѣстницъ рая, —
За красы ихъ, начиная
Съ полныхъ мрака и лучей
Зажигательныхъ очей,

Томныхъ, нѣжныхъ и упорныхъ,
Цвѣтомъ всячески-цвѣтныхъ,
Сѣрыхъ, карихъ, адски-черныхъ
И небесно-голубыхъ!
За здоровье устъ румяныхъ,
Блѣдныхъ, алыхъ и багряныхъ —
Этихъ движущихся струй,
Гдѣ дыханье пламенѣетъ,
Рѣчь дрожитъ, улыбка млѣетъ,
Пышетъ вѣчный поцѣлуй!
Въ честь кудрей благоуханныхъ,
Легкихъ, дымчатыхъ, туманныхъ,
Свѣтло-русыхъ, золотыхъ,
Темныхъ, черныхъ, разсыпныхъ,
Съ ихъ неистовымъ извивомъ,
Съ искрой, съ отблескомъ, съ отливомъ,
И закрученныхъ, какъ сталь,
Въ безконечную спираль!

Такъ — возчествуемъ сей чашей
Юныхъ дѣвъ, и добрыхъ женъ,
И виновницъ жизни нашей,
Кѣмъ былъ внятъ нашъ первый стонъ —
Сихъ богинь огне-сердечныхъ,
Кѣмъ міръ цѣлый проведенъ
Чрезъ святыню персей млечныхъ,
Колыбели и пеленъ, —
Въ чувствѣ полныхъ совершенства
Безъ предѣла, безъ границъ, —
Этихъ горлицъ, этихъ львицъ,
Расточительницъ блаженства
И страданія царицъ!

И взлелѣяны любовью
Ихъ питомцы и сыны

Да кипятъ душой и кровью
Въ честь родимой стороны,
Сей страны, что съ горизонта
Вскинувъ глыбою крутой
Съ моря льдянаго до Понта
Мостъ Рифея золотой,
Какъ слезу любви изъ ока,
Какъ холодный потъ съ чела,
Изъ Тверской земли широко
Волгу въ Каспій пролила!
Безъ усилій въ пол-обхвата
У нее заключено
Все, что Господомъ дано
Съ Финскихъ скалъ до Арарата.
Чудный край! Черезъ Алтай
Бросивъ локоть на Китай,
Темя вспрыснувъ Океаномъ,
Въ Балтъ ребромъ, плечомъ въ Атлантъ,
Въ полюсъ лбомъ, пятой къ Балканамъ
Мощный тянется гигантъ.

Русь — живи! Въ тѣни лавровой
Да паритъ ея орелъ!
Да цвѣтетъ ея престолъ!
Да стоитъ ея штыковой
Перекрестный частоколъ!
Да сыны ея родные
Идутъ грудью противъ зла
На отрадныя дѣла
И на подвиги благіе!

Но чтобъ тостъ нашъ въ мѣру сталъ
Девятнадцатаго вѣка —
Человѣки! сей фіалъ

Пьемъ во здравье человѣка !
За витающихъ вдали !
За здоровье всей земли —
Всей — съ Камчатки льдяно-реброй,
Отъ отчаянныхъ краевъ
До береговъ Надежды Доброй
И Счастливыхъ острововъ, —
Отъ долинъ глубоко-темныхъ
До высотъ, гдѣ горъ огромныхъ
Въ снѣжныхъ шапкахъ блещутъ лбы,
Гдѣ взнесли свои верхушки
Выше тучь — земли-старушки
Допотопные горбы,
Лавы стылыя громады,
Огне-метные снаряды
Вулканической пальбы !

Да, стара земля: ужь дѣти
Сей праматери людей
Слишкомъ семьдесятъ столѣтій
Горе мыкаютъ на ней ;
А она — ей горе мало ! —
Нынѣ также, какъ бывало,
Мчится въ пляскѣ круговой
Въ парѣ съ вѣрною луной,
Мчитъ съ собой судьбы, законы,
Царства, скипетры и троны
На оси своей крутитъ
И вкругъ солнца ихъ вертитъ, —
Въ стройной пляскѣ не споткнется, —
И въ круженьи не прольется
И не станетъ къ верху дномъ
Ни одинъ бокалъ съ виномъ !

Вознесемъ же въ полнотѣ мы
Сей зачашный нашъ привѣтъ
Въ славу солнечной системы,
Въ честь и солнца, и планетъ,
И дружинъ огне-крылатыхъ
Длинно-хвостыхъ, бородатыхъ
Быстрыхъ, бѣшеныхъ кометъ,
Всѣхъ свѣтилъ и массъ небесныхъ, —
Въ здравье жителей безвѣстныхъ
Свѣтоносныхъ сихъ шаровъ ; —
Пьемъ въ сей часъ благословенной
За здоровье всей вселенной,
Въ честь и славу всѣхъ міровъ —
До предѣловъ, гдѣ созвѣздья
Щедро сыплютъ безъ возмездья
Свѣта вѣчнаго дары, —
Гдѣ горитъ сей огнь всемірной
Будто люстры въ залѣ пирной,
Гдѣ танцуютъ всѣ міры,
Намъ неслышнымъ внемля арфамъ, —
Гдѣ роскошнымъ бѣлымъ шарфомъ
Облекая неба грудь
Перекинутъ млечный путь, —
Гдѣ послѣдней искрой свода
Замкнутъ чудный сей чертогъ,
Гдѣ ликуетъ вся природа,
. . . . . .

В. Бенедиктовъ.

ДВА ОТРЫВКА ИЗЪ ДНЕВНИКА ВЪ РИМѢ.

—

I.

На дальнемъ сѣверѣ моемъ,
Я этотъ вечеръ не забуду:
Смотрѣли, молча, мы вдвоемъ
На вѣтви ивъ, прилегшихъ къ пруду;
Вдали синѣлъ лавровый лѣсъ,
И олеандръ блестѣлъ цвѣтами;
Густаго мирта былъ надъ нами
Непроницаемый навѣсъ;
Синѣли горныя вершины,
Тумана въ золотой пыли,
Какъ будто плавали вдали
И акведуки и руины....

При этомъ солнцѣ огневомъ,
При шумѣ воднаго паденья,
Ты мнѣ сказала въ упоеньи:
«Здѣсь можно умереть вдвоемъ!»

—

II.

Во мнѣ сражаются, меня гнетутъ жестоко
Порывы юности и опыта уроки.
Меня влекутъ мечты, во мнѣ бунтуетъ кровь,
И знаю я, что все — и пылкая любовь,
И пышныя мечты пройдутъ и охладятся,
Иль къ безднѣ приведутъ.... Но съ ними жаль разстаться!

Любя, увѣренъ я, что скоро разлюблю,
Порой, притворствуя, самъ клятвою шалю;
Внимаю ли изъ устъ, привыкшихъ лицемѣрить,
Коварное «люблю», я имъ готовъ повѣрить;
Порой бѣшусь, зачѣмъ я разуму не внялъ,
Порой бѣшусь, зачѣмъ я чувство удержалъ.
За тѣмъ въ душѣ моей, волненіямъ открытой,
Отъ всѣхъ высокихъ чувствъ осадокъ ядовитый.

А. Майковъ.

ЭЛЬБОРУСЪ.

—

Вездѣ, куда ни брошу взоры,
Все скалы дикія и горы;
Кругообразная ихъ цѣпь,
Какъ крѣпость, обнимаетъ степь;
Подъ ихъ стѣною непрерывной,
Рѣдѣетъ утренній туманъ
И вотъ — предсталъ, громадой дивной,
Высотъ Кавказскихъ великанъ!
Своей широкою пятою
Онъ придавилъ чело земли,
Своей вершиною двойною
Исчезъ въ заоблачной дали!
О, Эльборусъ, вращатель бѣга
Молніеносныхъ облаковъ,
Въ вѣнцѣ изъ розоваго снѣга,
Ваянномъ семьдесятъ вѣковъ,
Какъ несравненно ты прекрасенъ
Среди толпы громадныхъ горъ,
И подъ челомъ твоимъ, какъ ясенъ
Небесъ лазоревый шатеръ!
Когда-то я, скиталецъ дольный,
Взойду на твой широкій скатъ
И, плоской степью недовольный,

Съ крутыхъ высотъ натѣшу взглядъ?
Когда увижу я не снизу,
Не, какъ теперь, издалека
И ледяную эту ризу
И станъ одѣтый въ облака —
И подъ короной снѣговою
Твою вѣнчанную главу
И, въ темныхъ долахъ, подъ собою
Лѣса — какъ мелкую траву?.. .
О поднимусь я на вершину,
Непосѣщенную твою,
Глазами гордыми окину
Высотъ окружную семью,
Съ дневнымъ свѣтиломъ стоя рядомъ,
Какъ съ братомъ братъ, плечемъ къ плечу,
Я, вмѣстѣ съ нимъ, свободнымъ взглядомъ
Полсвѣта разомъ обхвачу !

Мейснеръ.

МОГИЛЫ ГАРЕМА.

(*Мирза Пилигриму.*)

—

Здѣсь изъ сада роскоши рано гроздья сочные
Для Аллаха сорваны! Жемчуги восточные
Здѣсь изъ моря радости, счастья и безпечности
Вдругъ взяты гробницею — раковиной вѣчности, —

И накрыло время ихъ ризою забвенія;
Лишь чалмы холодныя средь уединенія
Блещутъ надъ гробницами; чуть внизу примѣтныя —
Видишь ли? — остался имена завѣтныя.

Розы вы Эдемскія! У ручья невинности
Отцвѣли, сокрытыя подъ листомъ стыдливости
Отъ очей невѣрнаго! Дни прошли счастливые.

Нынѣ оскорбляютъ васъ взоры нечестивые;
Но Пророкъ отпуститъ мнѣ: я далъ позволеніе —
И Гяуръ здѣсь выронилъ слезы умиленія.

Познанскій.

1831. (Съ Польскаго).

ПРОСТИ.

—

Прости, на вѣчную разлуку :
Въ послѣдній разъ передъ тобой,
Сокрывъ любви несчастной муку,
Стою съ сердечною мольбой....

Предъ страшнымъ свѣтомъ, предъ судьбою,
Передъ людьми виновенъ я.. .
Но передъ Богомъ и тобою
Чиста была любовь моя....

Прости мнѣ, если я минутно
Смутилъ твой сонъ когда–нибудь
И то, что позабыть мнѣ трудно,
Ты, незабвенная, забудь....

Х. Шевцовъ.

РОДИНА.

—

Любо весело мнѣ
Въ далекѣ, въ сторонѣ
Отъ большихъ городовъ,
Подъ шатрами вѣтвей,
Въ темной чащѣ садовъ,
Гдѣ поетъ соловей,
Гдѣ свѣжо отъ цвѣтовъ.

Любо весело мнѣ
На родной сторонѣ, —
И во дни непогодъ,
И за далью морей,
И подъ гнетомъ заботъ
Только вспомню о ней —
И душа зацвѣтетъ.

Пой ночной соловей,
Но не въ память друзей;
Дружба ихъ на устахъ;
Еще видывалъ я
На разгульныхъ пирахъ
Жалкій образъ ея
Съ поступленьемъ въ очахъ. —

Пой ночной соловей!
Только пой не о ней....
Я любилъ не таюсь,
Но смѣялась она....
Я же вспомнить боюсь,
Какъ бывало безъ сна
По постели мечусь.

Ты не пой на цвѣтахъ
О большихъ городахъ,
Гдѣ корысть — божество,
Гдѣ легко продаютъ
И любовь и родство,
Гдѣ посмотришь — живутъ,
А вглядишься — мертво. —

Пусть другіе пѣвцы
Воспѣваютъ дворцы;
Пусть ихъ пѣсни горятъ,
Какъ огни въ высотѣ,
Какъ потоки гремятъ;
Мнѣ отраднѣе тѣ,
Что душѣ говорятъ.

Спой мнѣ пѣсню мою —
Про родную семью,
Про былыя года.
Эта пѣсня — моя!
Но тѣ дни безъ слѣда,
Съ ними ясными я
Не сойдусь никогда. —

Гдѣ же мать и отецъ?
Гдѣ же всѣ, мой пѣвецъ,

Всѣ, кого я любилъ ?
Призадумался ты,
Призатихъ, пріунылъ ;
Вижу всюду кресты,
Вижу много могилъ.

Пой соловушко ! пой !
Пой имъ вѣчный покой !
Видишь, свѣчи зажгли,
Пусть шатеръ голубой
Повторяетъ вдали :
«Буди вѣчный покой
Съ ними въ нѣдрахъ земли !»

Пой, ночной соловей,
Пой до раннихъ лучей ;
Знать не спать уже мнѣ
На послѣднюю ночь ;
Пой, все пой — только мнѣ
Новыхъ бѣдъ не пророчь
На чужой сторонѣ.

Я съ разсвѣтомъ возьмуу
И костыль и суму.
На сторонкѣ моей
Мнѣ не жить, мнѣ не жить ;
А вернуся я къ ней
Только тѣло сложить
Близь родимыхъ костей.

Н. Степановъ.

ОТВѢТЪ.

Н. Ф. Т—му.

—

Ты правъ, товарищъ, шумно, шумно
Неслася молодость моя;
Не разъ вспомянешь, какъ безумно
Вдвоемъ пивали — ты да я!

Я живо помню: ночь и вьюга;
Стаканы пунша на столѣ,
И двѣ подруги, и два друга —
Безпечны, счастливы вполнѣ.

Поемъ и пьемъ, — а острыхъ шутокъ
Кипитъ и сыплется картечь;
Поемъ и пьемъ, — и двое сутокъ
Звучитъ стекло и льется рѣчь.

Чрезъ много лѣтъ мы вспомнимъ это;
Но врядъ тогда мнѣ молвишь ты:
Я узнаю въ тебѣ поэта, —
Все тѣже шашни и мечты!

Л. Якубовичъ.

ОДНА ИЗЪ СЕМИ ПѢСЕНЪ,

посвященныхъ Кларѣ.

—

Какъ жаль, прошло то *время оно*,
Когда считалося за грѣхъ
Любить безъ слезъ, любить безъ стона,
Безъ истерическихъ потѣхъ.
Тогда–бъ любовникъ благочинный,
Любви чувствительной въ залогъ,
Я–бъ вамъ трагическій, предлинный,
Прочелъ прощальный монологъ ;
И въ немъ поэзіи всю силу
Я далъ почувствовать бы вамъ :
Воззвалъ и къ музамъ, и къ богамъ,
И проклялъ свѣтъ, и жизнь унылу,
Сковалъ бы новыя слова,
Стихомъ, длиной аршина въ два,
Себя упряталъ бы въ могилу....

Но вы не бойтесь страшныхъ словъ.
Прошелъ буквальный вѣкъ печали,
Когда печатную любовь
Самоубійствами кончали.
Нѣтъ ! вы не бойтесь пули въ лобъ.
Теперь ужъ Вертеры не въ модѣ ;

Мы отъ любви не сходимъ въ гробъ,
Лишь платимъ ею — дань природѣ....
Цѣль жизни понялъ человѣкъ.
Не тратить времени на страсти:
Онъ хочетъ денегъ, силы, власти —
Играетъ въ карты. Въ умной вѣкъ,
Ужъ нѣтъ вздыхателей присяжныхъ,
Любившихъ лѣтъ по сорока.
Не любимъ мы любвей протяжныхъ:
Мы любимъ наскоро, слегка;
Не вѣримъ: ни «увы!» ни «ахамъ!»
Не подражаемъ мы Петраркамъ.
Намъ нѣтъ отъ сильныхъ чувствъ вреда,
Когда живемъ мы, какъ случилось.

Любили вы — когда любилось....
Что-жъ? Разлюбили — не бѣда.

И такъ, сударыня! отнынѣ:
Извольте снова полюбить,
Летайте въ Павловскъ на машинѣ,
А я поѣду въ клубъ — курить!....

Владиміръ Филимоновъ.

Люблю тебя за то, что въ вихрѣ свѣтскихъ бурь,
Ты сохранилъ ума и сердца живость,
Улыбку на устахъ, въ очахъ своихъ лазурь,
Въ движеньяхъ дѣтскую стыдливость.

Люблю тебя за то, что юность разцвѣтя
Приманками надежды и мечтанья,
Ты жизнью тѣшишься, какъ рѣзвое дитя
Еще незнавшее страданья.

Люблю тебя за то, что волп сердцу давъ,
Не заразясь пустымъ предубѣжденьемъ,
Ты дружбы не лишилъ ея завѣтныхъ правъ,
Любви не оскорбилъ сомнѣньемъ.

Люблю тебя за то, что въ вѣтреной толпѣ,
Волнуемой безумными страстями,
Одинъ лишь ты идешь по розовой тропѣ,
Довольный жребіемъ и нами.

С. Дуровъ.

БОЛГАРСКІЯ НАРОДНЫЯ ПѢСНИ.

—

I.

Какъ снимаютъ звѣзды съ небесъ.

Изъ отцовскихъ, высокихъ, чинарныхъ палатъ,
Виша молву распускаетъ:
Кто Черное море все вплавь проплыветъ —
Женится тотъ на Гречанкѣ;
Девять за нею онъ муловъ возметъ —
Съ червонцами вьюки на мулахъ;
Десятаго мула въ придачу ему,
А на немъ вьюки талеровъ полны.
Море, Латынецъ сказалъ, проплыву,
Проплыву черезъ Черное море!
Изъ высокихъ, отцовскихъ, чинарныхъ палатъ,
Гречанка молву распускаетъ:
Кто насадитъ, насадитъ виноградъ,
Насадитъ среди Чернаго моря,
Будетъ женою Виша тому,
Женится тотъ на Гречанкѣ;
Девять за нею онъ муловъ возметъ —
Съ червонцами вьюки на мулахъ,
Десятаго мула въ придачу ему —
А на немъ вьюки талеровъ полны.
Я среди моря лозу посажу,
Опять говоритъ ей Латынецъ.

Изъ высокихъ, отцовскихъ, чинарныхъ палатъ,
Виша молву распускаетъ:
Кто черезъ три, чрезъ высокихъ горы,
Проведетъ мнѣ студеную воду —
Будетъ женою Виша тому,
Женится тотъ на Гречанкѣ.
Я черезъ три, чрезъ высокихъ горы,
Опять говоритъ ей Латынецъ,
Студеную воду берусь провести;
Проведу — и женюсь на Гречанкѣ.
Изъ отцовскихъ, высокихъ, чинарныхъ палатъ
Виша молву распускаетъ:
Кто Божію звѣздочку сниметъ съ небесъ,
Сниметъ звѣзду мнѣ деннницу,
Звѣздочку Божію, Божью слугу, —
Женится тотъ на Гречанкѣ;
Девять за нею онъ муловъ возметъ —
Съ червонцами вьюки на мулахъ,
Десятаго мула въ придачу ему —
А на немъ вьюки талеровъ полны.
Выходи, говоритъ ей Латынецъ въ отвѣтъ,
Выходи-ка, красавица Виша,
Ты увидишь, какъ съ неба звѣзду я сниму,
Какъ съ неба сниму я деннницу!
И длинное поднялъ Латынецъ ружье:
Посмотри-ка на небо, Гречанка,
Увидишь, какъ съ неба сниму я звѣзду,
Какъ съ неба сниму я деннницу.
Выстрѣлилъ: въ сердце Гречанкѣ попалъ
И примолвилъ Латынецъ: бѣдняжка!
Ты видишь, какъ звѣзды снимаютъ съ небесъ,
Какъ съ неба снимаютъ деннницу.

—

II.

Жалко разстаться мнѣ съ добрымъ конемъ.

Матери шепчетъ Бо̀гдатъ юнакъ:
Больше чѣмъ дней есть въ Божьемъ году,
Больше я городовъ обошелъ:
Нигдѣ меня болѣзнь не нашла —
Домой пришелъ — и вотъ боленъ лежу,
Боленъ лежу девятый вотъ годъ,
Не смерти страшусь, родная моя,
Но жалко разстаться мнѣ съ добрымъ конемъ:
Кто будетъ холить коня моего?
Есть мать у меня, да стара ужъ она;
Есть у меня молодая жена:
Ей некогда будетъ ходить за конемъ;
А братъ мой родной отсель далеко.
Не на общемъ кладбищѣ схоронишь меня—
На перепутьѣ въ землю зарой!
Въ головахъ у меня ты построй монастырь;
На сердцѣ моемъ ты садъ насади;
Въ саду насади душистыхъ цвѣтовъ;
Въ ногахъ у меня построишь фонтанъ,
У фонтана вобьешь въ землю знамя мое;
За древо привяжешь коня моего.
Будетъ Царское войско вблизи проходить:
Тѣ, что постарше, въ церковь пойдутъ,
Въ церковь пойдутъ и помянутъ меня;
Тѣ, что моложе, въ садъ мой пойдутъ,
Цвѣтовъ тамъ нарвутъ и помянутъ меня;
Тѣ, что устали, къ фонтану придутъ,
Напьются воды и помянутъ меня;
И воинъ храбрѣйшій отвяжетъ коня,
Осѣдлаетъ его и знамя возметъ,
И молодецъ будетъ меня поминать;

Того, кто ѣзжалъ на добромъ конѣ,
Того, кто зеленое знамя носилъ!

—

III.

Увидишь ты дѣвицу въ чистой водѣ ключевой.

Добрѣ красавицѣ такъ говоритъ разъ Иванъ:
«Красавица—Добра, послушай,
«За дѣвицу вашу посватай ты, Добра, меня,
«Посватай за вашу Гречанку.
«За кого я посватать могу тебя, мололецъ мой,
«За какую посватать Гречанку?
«Была у насъ Стана, красавица въ цѣломъ селѣ,
«Да вечоръ ее выдали за мужъ.
«Невѣсты другой не найду тебѣ, молодецъ мой.
«Такъ я укажу тебѣ, Добра;
«Когда, за водою, къ источнику утромъ пойдешь,
«Поглядись ты въ студеную воду:
«Увидишь ты дѣвицу въ чистой водѣ ключевой,
«За ту ты меня и посватай.»

—

IV.

Стыдно мнѣ братьевъ съ бесѣды увесть.

Пріѣхали въ гости три брата къ сестрѣ.
Два дня и двѣ ночи пируютъ;
Во сто мѣръ выпили бочку вина.

Годовалаго съѣли теленка.
Отколь ни возмися къ нимъ соколъ влетѣлъ
И сѣлъ на колѣни къ Евстафу;
Языкомъ человѣчьимъ соколъ кричитъ:
Послушайте, трое вы братьевъ!
Перестаньте вы ѣсть, перестаньте вы пить,
Не знаете, что у васъ дома:
Въ село къ вамъ три тысячи Турокъ пришло,
Евстафа жену полонили,
Невѣсту Антона въ полонъ увели,
Дома вамъ и церковь спалили.
Антонъ, осѣдлай поскорѣе коня,
Выѣзжай на высокую гору,
Оттоль на село наше ты посмотри,
Сосчитай тамъ, много ли Турокъ.
Коль три тысячи ихъ, воротись поскорѣй —
Мы вмѣстѣ съ тобою поѣдемъ;
Если больше трехъ сотъ ты собакъ не начтешь,
Управишься самъ съ тремя стами.
На гребень горы выѣзжаетъ Антонъ,
Село свое видитъ въ долинѣ,
И три тысячи онъ, а не триста начелъ,
Но стыдно ему воротиться,
Стыдно братьевъ ему отъ сестры увести,
И такъ скакуну говоритъ онъ:
Не пугайся, мой конь, не страшись мертвыхъ тѣлъ,
А ты, ятаганъ мой булатный,
Рѣжь, не жалѣй, рѣжь до самыхъ костей,
Ты невѣрныхъ собачіе мясо;
И ты, дорогое мое ружьецо,
Послужи мнѣ сегодня на славу:
Мѣтко стрѣляй: отъ Турецкихъ костей
Не отскочутъ свинцовыя пули.
Пріударилъ Антонъ своего скакуна
И вотъ нагоняетъ невѣрныхъ:
Отбилъ у нихъ и Евстафа жену

И свою молодую невѣсту.
Къ братьямъ своимъ воротился Антонъ —
И еще за столомъ ихъ находитъ.

—

V.

Дай-то Боже злымъ вамъ недругамъ,
Чтобы черная къ вамъ пришла чума.

Во богатомъ селѣ у матери
Было девять сыновей родныхъ;
Девять снохъ было невѣстушекъ,
Девять люлекъ со внучатами,
Но имѣла она дочь одну
Дочь Петранку ненаглядную,
Изъ далека ее сватаютъ,
Черезъ девять селъ въ десятое,
Мимо многихъ городовъ бѣлокаменныхъ;
Но Петранки мила воля дѣвичья,
Говоритъ Петранка матери:
Не пойду, родная, замужъ я
Черезъ девятъ селъ во десятое,
Мимо многихъ селъ бѣлокаменныхъ.
Лазарь меньшій братъ, говоритъ сестрѣ:
Ты, послушай слова братняго —
Замужъ выйдешь ты — не раскаешься:
Девять братьевъ насъ родныхъ у тебя;
Каждый мѣсяцъ къ тебѣ будемъ ѣздить мы,
Будемъ ѣздить мы по очереди,
Будемъ вѣсти возить отъ родной тебѣ.

И Петранка брату обѣщается,
Обѣщается брата послушаться,
И послушалась брата Лазаря.
Вотъ богатая свадьба сыграна
И невѣсту къ жениху ведутъ,
А какъ вывели за село ее —
Стало страшно клясть, проклинать она :
Дай–то Боже вамъ, злымъ вамъ недругамъ,
Какъ меня отсюда выведутъ,
Чтобы черная къ вамъ пришла чума,
Чтобы всѣхъ она уморила васъ,
Всѣхъ васъ, братцы мои кровные,
Всѣхъ васъ, снохъ моихъ невѣстушекъ,
Въ колыбеляхъ вашихъ дѣвочекъ !
И Петранки чума послушалась,
И пошла ходить по селу она.
Девять братьевъ уморила всѣхъ,
Уморила снохъ съ невѣстками,
Въ колыбеляхъ девять мальчиковъ,
Въ колыбеляхъ девять дѣвочекъ.
Годъ проходитъ, въ слѣдъ за нимъ другой,
У Петранки не видать гостей,
И дивится и груститъ она,
Что второй ужъ годъ къ ней никто нейдетъ,
Что забыта она братьями ;
И утѣшилъ Богъ печаль ее :
Воскресилъ онъ брата Лазаря,
Всталъ изъ гроба онъ и идетъ къ сестрѣ,
И когда онъ до села дошелъ,
По широкой, видитъ, улицѣ
Хороводъ ведетъ сестра его ;
Только брата лишь завидѣла
Отпустила хороводъ она
И на встрѣчу вышла къ Лазарю ;
Лобызаетъ руку братнюю
И, смутяся, говоритъ ему :

Отчего, скажи мнѣ, Лазарь братъ,
Отчего, скажи, сдается мнѣ,
Что рука твоя пахнетъ ладономъ,
Желтымъ воскомъ, землей черною?
Братъ Петранкѣ говоритъ сестрѣ:
Девять братьевъ насъ въ семьѣ родной,
Девять новыхъ домовъ построили,
Оттого рука пахнетъ ладономъ,
Желтымъ воскомъ, землей черною, —
За тобой пришелъ, сестра моя,
Я хочу тебя домой свести,
Показать тебѣ дома новые;
И идутъ они путемъ дорогою,
Проходятъ поле широкое,
Минуютъ гору высокую,
Пташка вьется надъ горою той,
Съ куста на кустъ перепархиваетъ
И поетъ она, говоритъ она,
Говоритъ языкомъ человѣческимъ:
Видано-ли гдѣ, слыхано-ли,
Чтобъ мертвецъ съ живымъ разхаживалъ,
Какъ Петранка съ братомъ Лазаремъ!
И Петранка брату молвила:
Слышишь, Лазарь — милый братецъ мой,
Что поетъ намъ пташка Божія,
Что поетъ она, говоритъ она?
А Петранкѣ братъ говоритъ въ отвѣтъ:
Что заслушалась крику птичьяго?
Птица вретъ тебѣ — не разумная
То кричитъ, что ей на умъ взбрело.
И идутъ они путемъ дорогою —
На кладбище ихъ привела она,
Къ церкви Божіей подошли они:
Вотъ дома наши, дома новые,
Говорилъ Петранкѣ Лазарь братъ,
И могильныя кажетъ насыпи:

Девять черныхъ крестовъ рядышкомъ,
Да по дальше девять насыпей
Девять черныхъ крестовъ рядышкомъ,
Да у ногъ ихъ девять насыпей,
Девять черныхъ крестовъ рядышкомъ, —
И по волѣ вышней Господа
Легъ въ могилу свою Лазарь братъ
И не встать ему до дня суднаго.
Сестра плачетъ надъ могилами
И могилы всѣ оплакала;
А съ кладбища идетъ къ матери,
Чтобъ провѣдать, что съ ней сталося:
Дворъ родимой весь травой заросъ.
Вотъ въ покой вошла, нѣтъ въ немъ матери —
Черезъ два прошла и нашла ее:
Не слыхать родимой голоса,
Слезъ не видно на очахъ ея,
Только капли крови темныя
Изъ очей бѣгутъ на холодный полъ.
Но Петранку узнаетъ она:
И живыми обнялись они,
Не разстались и мертвыми!

Съ Болгарскаго *Н. Протопопова.*

Одесса.

ДИКАРКА.

—

Дитя свободныхъ горъ и дѣвственныхъ долинъ,
Ты, рощей пальмовыхъ младая голубица,
Глухаго острова пустынная царица!
Какъ чудно увидать для бѣгуна пучинъ
Тебя, пустыни перлъ, цвѣтокъ скалы гранитной,
Прекрасное дитя природы первобытной!
Не ты ли образъ тотъ, въ которомъ рождена
Первосозданная отъ Господа жена,
Тщеславья чуждая, не знающая силы
Ни огненныхъ очей, ни устъ улыбки милой?
Такой являлась мнѣ она: ея красы
Одѣты въ пышный шелкъ распущенной косы;
Ни лилій нѣтъ, ни розъ, ни перловой повязки;
Въ очахъ лучь разума; въ лаптахъ нѣги краски
И непритворнаго невинности слѣда;
Улыбкою любви оживлены уста;
Невѣдомый огонь ей тихо перси движетъ;
Ей птицы гимнъ поютъ, а тигръ ей ноги лижетъ,
И пусто все вокругъ, какъ дикій островъ твой,
И властвуетъ она, какъ ты надъ сей скалой,
Надъ сей природою и дѣвственной и дикой ...
Но что? — У грота ты срываешь павилики,
Ліану съ розами, сплетаешь ихъ въ вѣнокъ —
Вѣнчаешься; жемчугъ надѣвши ожерельемъ

Ты смотришься въ ручьѣ съ младенческимъ весельемъ,
Подымешь, оторвешь въ вѣнкѣ своемъ листокъ,
Откинешь на плечо искусно локонъ зыбкій,
Глядишь, какъ предъ тобой блѣднѣютъ чаши розъ
И гордо чувствуешь весь блескъ своей улыбки,
Могущество очей, богатство длинныхъ косъ....

А. Майковъ.

* * *

(Посв. В. Г. Бенедиктову.)

—

Когда гляжу на городскія зданья,
Мечтѣ одной тогда я отданъ весь;
Вѣдь здѣсь живутъ все страсти, все желанья —
Добра и зла комическая смѣсь!...
И сколько тутъ невѣдомыхъ уроковъ,
Какъ много драмъ съ развязкой роковой,
И мрачныхъ дѣлъ подъ тайною нѣмой,
И прошлаго болѣзненныхъ упрековъ....
И вмѣстѣ все — какой-то пестрый хламъ
Насмѣшливыхъ и горькихъ эпиграммъ!...

—

И если кто перстомъ небесъ отмѣченъ,
Кто властелинъ могучихъ, полныхъ думъ —
Чтожь, — развѣ онъ въ толпѣ людей замѣченъ? —
Чтожь, — передъ нимъ затихнетъ этотъ шумъ?...
Какъ памятникъ когда-то громкой славы,
Покойно-гордъ, какъ вѣковой гранитъ —
Онъ на толпу съ сознаніемъ глядитъ,
На почести у ней не проситъ права!....
А между тѣмъ, его златые сны
Не этой-ли толпѣ посвящены.....

А. Пальмъ.

1844.

ХРАМЪ.

—

Оконченъ день разгульный и рабочій,
Усталый свѣтъ вокругъ меня уснулъ;
Какая тишина, какъ сладокъ воздухъ ночи,
Какой теперь душѣ разгулъ!
Неизмѣримой, свѣтлой бездной,
Высоко надо мной стоитъ небесный сводъ;
Тамъ видѣнъ край зари златообрѣзный,
А тамъ луны таинственный восходъ.
Мильоны звѣздъ, разсѣянныхъ въ пространствѣ,
Какъ очи Бога, смотрятъ съ вышины;
А шаръ земной внизу красуется въ убранствѣ
Изъ тканей радужныхъ красавицы весны.
Взгляну кругомъ — предѣловъ нѣтъ равнинѣ,
Взгляну на верхъ — тамъ небу нѣтъ границъ!
Вотъ здѣсь мой храмъ; одинъ въ его срединѣ
Передъ Творцомъ паду я ницъ.
Роскошный мѣсяцъ будетъ мнѣ лампадой,
Свѣчами — сонмъ ночныхъ свѣтилъ,
Чудеснымъ пѣньемъ — рокотъ водопада,
Дыханье розъ — куреніемъ кадилъ,
И алтаремъ — чело земли прекрасной,
Одѣтой въ яхонты, рубины и сапфиръ.

. . . . . .

. . . . . .

Въ толпѣ людей, средн суетъ и шума,
Заботъ угрюмыхъ и лѣнивыхъ нѣгъ,
Не можетъ вызрѣть истинная дума
И самъ себя не знаетъ человѣкъ;
Затерянный, отъ самой колыбели,
Въ пыли вседневныхъ мелочей
Не помнитъ онъ своей незримой цѣли
И видимой ничтожности своей, —
Сливаетъ грубо безъ различья
Небесный смыслъ и прахъ земной —
Свое духовное величье
Съ своей тѣлесною тщетой.
А здѣсь, восторгомъ отряхая
Съ души безсмертной бренье и тлѣнъ,
Носясь умомъ, отъ края и до края,
Сквозь даль пространствъ и мракъ временъ,
По произволу, мыслью вдохновенной,
Къ мірамъ дальнѣйшимъ достигая въ мигъ —
Я чувствую себя звеномъ въ цѣпи вселенной
И сознаю, какъ духомъ я великъ! —
А здѣсь, отъ вѣчнаго творенья,
Къ Творцу предвѣчному раздумьемъ возносимъ,
Преисполняюсь я чистѣйшаго смиренья
И простираюсь въ прахъ предъ Нимъ;
Въ благоговѣніи глубокомъ,
Съ молитвой въ сердцѣ, слезы лью,
И вижу, проясненнымъ окомъ,
Ничтожность жалкую свою.....

Молись душа, такихъ часовъ не много
И лишь одинъ такой на свѣтѣ храмъ;
Здѣсь лучше ты познаешь Бога,
Здѣсь легче доступъ къ небесамъ!
Пусть на землѣ слаба ты и ничтожна,
Пусть весь твой вѣкъ земной лишь призракъ бытія,

Но будущность твоя, какъ солнце, непреложна
И въ небѣ родина твоя!
О, направляй же вольное стремленье
Въ нетлѣнный міръ, обѣщанный тебѣ,
И помни каждое мгновенье,
Что жизнь твоя, твое спасенье,
Твое величіе — въ смиреньи и въ мольбѣ.

Мейснеръ.

СОНЕТЫ.

—

КРЕМЛЬ.

30-го Августа 1816.

—

Чу! Благовѣстъ въ соборъ гражданъ Москвы зоветъ,
По стогнамъ городскимъ вездѣ веселья клики,
Строй ратный движется, въ Кремлѣ кипитъ народъ;
Во облаченіи Духовные Владыки;

Синклитъ Сановниковъ торжественно грядетъ;
Несутъ хоругви, крестъ и чудотворны лики,
Клиръ сладкогласный пѣснь побѣдную поетъ:
Съ небесъ на долъ глядитъ въ лучахъ Иванъ Великій!

Къ чему сей благовѣстъ? Къ чему сей ратный строй?
Кадильницъ ѳиміамъ, пресвитеровъ служенье? —
Молитеся: идетъ въ Храмъ Бога Царь земной!

Идетъ побѣды вождь, съ оливой примиренья,
Склониться предъ Творцомъ увѣнчанной главой —
И праздновать въ Кремлѣ народовъ воскресенье!

В. Филимоновъ.

ШИМБОРАЗО.

—

Я видалъ тебя въ мечтахъ,
Недоступная для глаза,
Въ золотыхъ твоихъ пескахъ,
На подножіи алмаза,

Вознесенну на горахъ
Тавра, Альповъ и Кавказа,
Въ ризѣ бѣлой, въ облакахъ,
Высь всѣхъ выше — Шимборазо!

Великанъ, земли краса!
Чуждъ тебѣ полетъ орлиный,
Звѣрь нейдетъ въ твои лѣса,

Ты сѣдой своей вершиной
Подпирая небеса,
Вратъ небесныхъ стражъ единый!

В. Филимоновъ.

ПОЭТУ.

—

Уйди, уйди отъ общества, поэтъ!
Не презирай его. Порою, зоркимъ окомъ,
Съ любовью взглядывай на бурный свѣтъ;
Въ него являйся лишь пророкомъ.

На спросы вѣка дай отвѣтъ,
Направь умы къ метѣ высокой,
И силы творческой благотворящій слѣдъ
Въ сердцахъ сочувственныхъ напечатлѣй глубоко.

Уйди туда, гдѣ меря грозный вой,
На выси горъ, къ утесамъ дикимъ;
Живи близь неба! Стань лицомъ къ лицу съ судьбой!

Равно внимай хвалы и порицанья клики;
Надъ ними думою возвысься міровой:
Душой будь выше всѣхъ, коль хочешь быть великій!

В. Филимоновъ.

ЖЕНЫ! НЕВѢСТЫ!

—

Вотъ жены здѣсь, на новый ладъ,
А la Бальзакъ и Сю, красавицы земныя,
Разочарованныя Зандъ,
Весной замерзшія, старушки молодыя.

Ихъ рѣчь груба, ихъ грозенъ взглядъ,
Душа закутана, плеча полунагія;
Жизнь этихъ Лелій — маскарадъ —
Какъ жены хороши, когда онѣ чужія!

Вотъ новыхъ здѣсь толпа невѣстъ:
Чего хотятъ Анеты, Маши?
Имъ чинъ большой, да много звѣздъ.

А Лизы, Вѣрочки, Параши?
Побольше пенсій, съ разныхъ мѣстъ. —
Невѣсты хороши, когда онѣ не наши!

В. Филимоновъ.

ГРАФЪ МЕЦЪ.

ПОЭМА.

(Писано въ 1841).

—

ЧАСТЬ 2-я.

Ein jeder lebt's, nicht vielen ist's bekannt.
Göthe.

СЦЕНА VI.

Богатая спальня. — Клавдія въ ночномъ уборѣ; Графъ Мицъ въ шлафрокѣ.

Клавдія.

.....Онъ былъ
Задумчивъ, блѣденъ и порою милъ;
О немъ журналы русскіе писали,
Что онъ поэтъ, что онъ композиторъ,
Что въ музыкѣ Беллини онъ и Шпоръ,
Что Байрону уступитъ онъ едвали
Торжественнымъ и пламеннымъ стихомъ.
И вотъ бѣднякъ ошибкой женихомъ
Задумалъ быть!! Хвалою восхищенный,
Журнальный свѣтъ за общество принявъ,
Мнѣ написалъ поэму для забавъ
И сверхъ того — концертъ плачевный:
Я не могла его безъ хохота играть!
Межъ книгъ моихъ когда-нибудь тетрадь
Стиховъ его найдите вы для чуда;
Теперь же слушайте элегію оттуда.

(*Декламируетъ.*)

Изъ чертоговъ, изъ палатъ,
Урони единый взглядъ

И пѣвца за робкій гимнъ
Награди богато имъ.

Мнѣ съ заоблачныхъ высотъ
Небо лучь денницы шлетъ ;
Вѣсть даетъ морей кристалъ,
Шумъ потока, эхо скалъ ;

На меня, цвѣтовъ краса,
Сходитъ ранняя роса,
И свершая свой закатъ
Звѣзды ласково глядятъ ;

Вздохамъ и слезамъ моимъ
Внемлетъ Божій Херувимъ:
Для чего же ты одна
Недоступна и хладна ?

Вотъ вамъ стихи !.... Мы долго хохотали
И трубадуру наконецъ
Гремушки нацѣпивъ на лавровый вѣнецъ,
Какъ водится отъ дому отказали.
Но онъ меня любить не пересталъ,
Журналовъ и газетъ онъ каждый нумеръ
Стихами наполнялъ — и пѣлъ свой идеалъ
До той поры, пока, бѣдняжка, умеръ.
Жалѣла очень я. Онъ нуженъ былъ подъ часъ !
Безкрылый соловей жилъ скромно подлѣ насъ
И звучнымъ голосомъ во тьмѣ безмолвной ночи
Не рѣдко наводилъ глубокій сонъ на очи.
Миръ праху пѣвчему ! Угасъ небесный свѣтъ !
Да, повторю : мнѣ жалокъ былъ поэтъ,
И я безсонницей два мѣсяца страдала,
Когда любовь меня баюкать перестала !

(*Хохочетъ.*)

Графъ Мецъ.

Графиня, можно ли смѣяться!

Клавдія.

Почемужъ?.....

За нимъ явился величавый мужъ
Съ помѣстьями въ Лифляндіи и Польшѣ,
Всего — двѣнадцать тысячъ душъ,
Двѣнадцать разъ заложенныхъ, не больше!
Потомъ Чатама длинный внукъ,
Сиръ Блемъ, хандрой измученный паукъ;
Британца вы конечно не забыли,
Котораго по случаю убили, —
А онъ имѣлъ манеры, милый Графъ,
Орлиный носъ, счастливый нравъ,
Завидный экипажъ — и я была готова....
Вы сердитесь? — ни слова, ни полслова.

Гр. Мецъ (*холодно*).

Графиня, я ни мало не сердитъ.

Клавдія.

Какой соблазнъ, какой былъ стыдъ!
Молва нашъ домъ поноситъ и язвитъ;
О сирѣ Блемѣ шепчутъ слуги,
Рара взбѣшенъ, maman въ испугѣ,
Трупъ жениха отвозятъ на пустырь
И я идти рѣшаюсь въ монастырь.
Вдругъ скачетъ экипажъ — *и къ довершенью чуда*
Открылась дверь — и вы оттуда.
Мы обвѣнчались безъ стиховъ, —
Тѣмъ кончилась *исторья женихов*.

(*Зѣваетъ*)

Однако же дремой упорной и тяжелой
Вся голова охвачена моя.....

Гр. Мецъ (*ведетъ ее къ постели*).

Графиня, за разсказъ веселой
Премного благодаренъ я.

Клавдія (*опускаясь на подушки*).

Графъ, завтра балъ у насъ?

Гр. Мецъ.

Мнѣ кажется, что балъ;
Я приказанья всѣ впередъ на зиму далъ.

Клавдія (*засыпая*).

Какъ это весело! безъ бала — жизнь пустыня!
Покойной ночи, Графъ!

Гр. Мецъ.

Сна мирнаго, Графиня.

(*Долго ходитъ по комнатѣ; потомъ останавливается противъ глубоко-усыпленной Клавдіи и въ холодномъ раздумьи на нее смотритъ.*)

Тѣ самыя пурпурныя уста
И локоновъ каштановыя пряди!
По прежнему горятъ любовью щеки,
Грудь пылкая неровнымъ колебаньемъ
Въ роскошныя объятья увлекаетъ!
Какая жизнь! какая прелесть!.... Гдѣ ты,
Убійца духа — демонъ сладострастья!
Тебѣ я отдалъ лучшіе года,
Разсыпалъ я передъ глухимъ кумиромъ
Цвѣты надеждъ, небесные дары, —
И чтожъ? въ душѣ усталой мракъ и холодъ,
И прихотей нарядная игрушка,
Законная игрушка — мнѣ постыла!

(*закрываетъ лицо руками*)

О, Боже мой! какъ эта жизнь бѣдна!....
Блаженъ, кто средь волненій и тревогъ
Не зналъ тебя, обманчивая сладость,
И по тропѣ лишеній и заботъ
Сошелъ во гробъ съ неохладѣлымъ чувствомъ!
Ему земля своихъ печальныхъ тайнъ,
Своихъ морщинъ ужасныхъ не открыла,
Ему судьба —

Клавдія (*грезитъ*,

Ахъ мило, очень мило!
Dessin, работа и атласъ
Плѣнительны, хоть бы невѣстѣ!
Но, кажется, тяжелъ каркасъ,
Біе и бантикъ не на мѣстѣ!

Гр. Мецъ.

Духъ суетности вѣетъ и во снѣ
Надъ мыслями почившей Галатеи!
О, для чего тебѣ я не подобенъ!
Обѣды, танцы, модные лоскутья,
Приличія тиранскій, лживый кодексъ
И мелочныхъ успѣховъ торжество —
Связали бы насъ крѣпче брачныхъ узъ!
Но какъ роптать? Ты права передъ свѣтомъ;
Вѣкъ Порціи, Лукреціи минулъ;
Въ дни мелкіе на что великій подвигъ,
Къ чему намъ крылья, если нѣтъ пространства!

(*успокоиваясь*)

Унынія болѣзненный припадокъ
Опять меня ребенкомъ слабымъ сдѣлалъ!
Надъ чувствомъ ли безжизненнымъ рыдать!
Оно погибло — отыщи другое,
Имъ продолжи безсмертную жизнь духа,
Оставя мертвымъ мертвыхъ погребать.
Что для тебя условья и обряды?
Тебѣ одинъ законъ — усовершенье.
Лети же вдаль! И если новый путь
Душѣ не дастъ, чего она желаетъ, —
По крайней мѣрѣ дастъ ей пробужденье!

(*отворяетъ окно*)

У ногъ моихъ недвижная лазурь
Глубокимъ сномъ почіющаго моря;
Надъ зеркальной равниной темныхъ водъ
Горитъ луны янтарная лампада
И звѣздный куполъ неба озаряетъ.

Чудесное творенье Божьихъ рукъ,
Вселенная! Ужель въ твоихъ предѣлахъ
Нѣтъ для меня страны успокоенья!
О, возврати далекіе края
Былыхъ надеждъ, минувшихъ упоеній,
И тѣ лѣса, и горы — и людей,
Съ которыми отрадно плакать вмѣстѣ.
Тамъ чувствъ моихъ никто не отвергалъ,
Тамъ подвигъ мой, запечатлѣнный кровью,
Увѣнчанъ былъ и дружбой и любовью. —
Прости же ты, громада льдовъ и скалъ,
Высокихъ думъ и теплыхъ чувствъ кладбище,
Нечестія роскошное жилище!
Отъ гордыхъ слугъ, отъ робкихъ мудрецовъ,
Отъ скучныхъ узъ, отъ моднаго тиранства
Безумныхъ женъ и свѣтскихъ наглецовъ —
Туда! Туда! — въ свободное пространство!

ПРАЗДНИКЪ ОБОРОТНЕЙ.

(*Интермедія.*)

—

Распорядитель.

Въ мерцаньи скраденой луны,
Туманами повиты,
Стоятъ, сознанья лишены,
Холодные граниты ;
Вдали безъ оконъ и дверей
Печальныя избушки ;
Крикъ филина и вой звѣрей,
И блѣдный свѣтъ гнилушки,
И мракъ полуночныхъ небесъ,
И дождь, и вѣтръ, и тина —
Здѣсь совершаемыхъ чудесъ
Достойная картина !

Гей вы, танцоры и пѣвцы,
Изъ денегъ Гераклиты,
Поклонники и сорванцы,
Шуты и паразиты !
Какъ стая галокъ и воронъ
Осыпьте это поле
И чинный соверша поклонъ
Кувыркайтесь на волѣ.
Пусть каждый, прославляя честь,
Личину здѣсь наложитъ —

И будетъ онъ не тѣмъ, что есть,
А чѣмъ казаться можетъ.

Л ь с т е ц ъ.

Урокъ народамъ и вѣкамъ,
Высокая идея!
Иначе какъ бы спрятать намъ
Глупца или злодѣя?
Страстей и воли господинъ,
Чтобъ доказать вамъ рвенье,
Полсотни я смѣню личинъ
Въ единое мгновенье.

Ш у т ъ.

На свѣтѣ маска — не бѣда,
Притворство — не опасно;
Однакожъ право, господа,
Стараетесь напрасно!
Хоть будьте вы, чрезъ маскарадъ,
На Ангеловъ похожи,
Но свѣта первый зоркій взглядъ
Узнаетъ ваши рожи!

Н а г л е ц ъ.

Узнаетъ? — пусть же узнаетъ
Что черно и что бѣло,
А мы тихонько напередъ
Устроимъ наше дѣло.
Съ кисой и властью богача,
Меня-ль пугать молвою?
Я муха, трутень, саранча,
А назвался пчелою.

Ἄ ν θ ρ ω π ο ς.

Прибавлю къ этому одно,
Что свѣтъ, храня обычай,
Между животными давно
Не дѣлаетъ различій, —
Зоветъ меня двуногимъ.... Ахъ,
Онъ вѣчно въ заблужденьяхъ!

Хожу на четырехъ ногахъ,
А чаще на колѣнахъ.

Горланъ.

Я былъ извѣстный говорунъ,
Отважные уроки
Читалъ въ гостинныхъ, какъ Перунъ
Громя людей пороки;
И правду-матку на прямикъ
До той поры я рѣзалъ,
Пока вельможа мой языкъ
Купилъ, или отрѣзалъ.

Трубочистъ.

Условьямъ званья моего
Всегда мой умъ покоренъ;
Но свѣтъ бѣлѣе-ль отъ того,
Что я какъ демонъ черенъ?
Метла, веревка и катокъ —
Орудья вѣчной стражи;
Замаранъ съ головы до ногъ,
А все не вымелъ сажи!

Трезоръ.

Успѣха требуя отъ дѣлъ,
Ты гордой мыслью грѣшенъ;
Благодари боговъ, что цѣлъ,
Не съѣденъ, не повѣшенъ;
За честность я не жду даровъ;
Но кто повѣритъ? даже
За то, что лаялъ на воровъ,
Меня винятъ въ покражѣ.

Распорядитель.

Гдѣ жъ музыканты?.... рѣшено,
Безумное либретто
Намъ нравится, когда оно
И сыграно, и спѣто.
На операхъ вертится вѣкъ!
Сюда гобои, дудки!

Скрыпите вы, какъ сто телегъ,
И квакайте, какъ утки.

Оркестръ.

Не даромъ громкая молва
Смычокъ нашъ превозноситъ:
Онъ трели рубитъ, какъ дрова,
Какъ сѣно, звуки коситъ;
Намъ вдохновеніе — приказъ,
И мы не только tutti
Начнемъ, покорные, сей часъ,
Но даже tutti—frutti.

Композиторъ.

Для странной оперы моей
Нѣтъ общаго закона:
Въ ней свищетъ южный соловей
И каркаетъ ворона;
Огонь и ледъ, позоръ и честь,
Шумъ бури, голосъ мошки;
Въ ней, словомъ, все на свѣтѣ есть,
Но смысла пѣтъ ни крошки.

Распорядитель.

Теперь насталъ и вашъ чередъ,
Блистательныя своры!
Смѣлѣй, дружнѣй! впередъ, впередъ,
Вертлявые танцоры!
Не надо въ пляскѣ головы —
Намъ мысли не знакомы,
Но, Боже, что я вижу? вы
На обѣ ноги — хромы!

Башмачникъ.

Дивитесь? разсѣку я въ мигъ
Загадки странной узелъ;
Духъ вѣка я вполнѣ постигъ
И обувь имъ обузилъ.
Не нужно болѣ ихъ вязать,
Урокъ пойдетъ счастливо. ...

Тѣсненько, надобно сказать,
Но вѣдь за то красиво!

Первая часть поэмы.

Давнымъ-давно, какъ безъ хвоста
Я къ людямъ прилетѣла;
Пылка, довѣрчиво-проста,
Съ душею, но безъ тѣла.
Примчалъ меня девятый валъ
Въ объятья злыя дяди:
Старикъ нарядъ мой оборвалъ,
Всеобщей пользы ради!

Послѣдняя часть поэмы.

Ахъ, гдѣ искать подруги мнѣ
Въ семъ мірѣ быстродвижномъ
На Шимборазо, на лунѣ,
Иль въ магазинѣ книжномъ?
Увы, она почіетъ тутъ
Подъ слоемъ ѣдкой пыли:
Меня конечно не прочтутъ,
Когда ее забыли!

Критикъ.

Онъ замѣчательный поэтъ,
Онъ рифмою владѣетъ;
Въ его рукахъ любой предметъ
Надъ нами чары дѣетъ;
Но мой сухой, ученый толкъ
Одно пятно находитъ:
Зачѣмъ летаетъ онъ безъ ногъ,
За чѣмъ безъ крыльевъ ходитъ.

Попугаи.

Оборотилася вверхъ дномъ
Вселенна въ этомъ часѣ:
Мы не въ Бразиліи живемъ
Теперь, а на парнассѣ.
Въ жару условной чепухи
Для насъ благополучье;

Лепечемъ гладкіе стихи
И громкія созвучья.

Распорядитель.

Я подражатель Гёте сталъ —
Вѣдь это нынѣ въ модѣ:
Ты ночь Вальпургисы читалъ
Въ китайскомъ переводѣ?
Тамъ вѣдьмы, духи, колдовство
И чародѣйства путы,
У насъ обманъ и воровство,
Не демоны, а плуты.

Попугаи.

Не страшенъ истины посолъ
Своей сатирой ѣдкой!
Мы носимъ радужной хохолъ
И щеголяемъ клѣткой;
Мы съ пользой для себя кричимъ,
А онъ лишь время тратитъ;
Не замолчимъ, не замолчимъ,
Вѣдь намъ за это платятъ.

Распорядитель.

Но вотъ зарницы ранній лучь
Въ дремучій боръ проникнулъ;
Спѣшатъ на западъ волны тучь
И пѣтелъ солнце кликнулъ.
Насталъ иныхъ явленій срокъ,
Міръ полонъ жизни новой;
Прочь, стая алчная сорокъ,
Прочь, филины и совы!
Уймитесь, а не то вралей
Чернилами окатятъ. —

Попугаи (*разлетаясь*).

Не замолчимъ, хотя убей:
Намъ платятъ, платятъ, платятъ.

СЦЕНА VII.

Сельскій господскій домъ въ Малороссіи. — Харитонъ Канчукъ и Графъ Мецъ.

Гр. Мецъ.

Не можете себѣ представить, мой безцѣнный Харитонъ Ивановичь, съ какимъ восторгомъ увидѣлъ я опять вашу маленькую живописную деревеньку! Прежде нежели обнялъ васъ, обѣгалъ я — простите моей смѣлости — аллеи вашего чудеснаго сада, который живо напомнилъ прошедшее моему растроганному сердцу. Правду сказать, кое-что перемѣнилось! Садъ запущенъ, дорожки заросли травою, пруды высохли, — да и вы — не сердитесь за истину — очень, очень постарѣли.

Канчукъ.

Съ радости, пане Графъ, съ радости!

Гр. Мецъ.

И вы меня, давнишній знакомый, все-таки не узнаете.

Канчукъ.

Не узнаю, и вашего лица совершенно не помню.

Гр. Мецъ.

Въ самомъ дѣлѣ?... (*въ сторону*) Лжетъ; онъ меня узналъ сразу, но у нихъ такая натура. (*къ нему*) Перестанемъ говорить объ этомъ; выкинемъ изъ памяти прежнее добро и зло, и начнемъ знакомство снова.

Канчукъ.

Очень радъ и почту за особенную честь.... А какое добро, пане, вы мнѣ сдѣлали?

Гр. Мецъ (*въ смущеніи*).

Повторяю: о прошломъ ни слова, какъ будто бы мы никогда другъ друга не видали, хотя искренно жалѣю, что вы меня такъ скоро забыли.

Канчукъ (*вздыхая*).

Ахъ, хотѣлъ бы я забыть васъ!

Гр. Мецъ (*смѣясь*).

Ну вотъ видите! Давно бы такъ! Всегда притворствовать не возможно: проговорились. Позвольте же теперь, мой добрый Харитонъ Ивановичъ, обнять васъ, какъ стараго друга (*цѣлуются*) и узнать, благополучно ли ваше семейство; здорова ли —

Канчукъ (*перебивая*).

Не угодно ли чего на перепутьѣ закусить? вотъ малиновка и терновка, копченый гусь и соленыя перепелки.

Гр. Мецъ (*въ сторону*).

Хитрый старикъ отдѣлывается отъ вопроса; онъ боится показать мнѣ свою дочь, но я все-таки добьюсь, гдѣ теперь милая Оксана. (*Завтракаетъ и пьетъ*) Ваше здоровье, панъ Канчукъ, ваше здоровье! Такъ какъ я словоохотнѣе и откровеннѣе, нежели вы, то позвольте разсказать вамъ мою исторію со дня нашей разлуки, которая случилась вскорѣ послѣ маленькаго непріятнаго между нами спора о древнихъ Малороссійскихъ герояхъ; я ихъ всегда любилъ и уважалъ, и не знаю почему вздумалось мнѣ тогда вамъ противорѣчить. Въ досадѣ, вы наслали на меня полицейскихъ сбировъ, имѣвшихъ ко мнѣ справедливое притязаніе за дуель съ Сиромъ Блемомъ, но я также ловко отъ нихъ ускользнулъ, какъ вы теперь отъ моего любопытства, — объѣздилъ многія земли, совершилъ чудесные подвиги, — лю-

билъ, былъ любимымъ; наконецъ удачною услугою и собственною кровію загладилъ мое невольное преступленіе и получилъ прощенье. Неугомонный призракъ Англичанина прекратилъ свои юридическія и балладныя преслѣдованія. Я помчался на родину, женился на дѣвушкѣ, которую давно обожалъ; не помню навѣрное, сколько дней я былъ съ нею счастливъ —

Канчукъ.

— И ваша супруга скончалась?

Гр. Мецъ.

Совсѣмъ нѣтъ! Какъ это вамъ пришло въ голову?

Канчукъ.

Извините; я хотѣлъ вмѣстѣ съ вами поплакать.

Гр. Мецъ.

Покорнѣйше благодарю; это пока не нужно и едвали когда-либо будетъ нужно; гораздо приличнѣе выпить за ея здоровье — (*наливаетъ бокалы*) не угодно-ли? — Но что я дѣлаю? Я невѣжда, неучъ. Здѣсь есть другая особа, которую гость предпочтительно долженъ привѣтствовать. (*Поднимая бокалы.*) Провозглашаю тостъ въ честь милой, доброй, единственной вашей доч..... (*въ это самое время раздается подъ окнами пѣніе*)

Голоса на дворѣ.

Буйный вѣтеръ ночью въ храмѣ двери отворилъ;
Одинокій тамъ священникъ набожно кадилъ;
Предъ иконою лампада тусклая горитъ,
Время свадьбы, а невѣста крѣпко, крѣпко спитъ.

Гр. Мецъ.

Что за странные звуки! Чтобы это значило?

Канчукъ.

Ничего, совершенно ничего. Какая до нихъ нужда? простыя деревенскія пѣсни. У насъ поетъ ста-

рый и малый, кромѣ тѣхъ, кому смерть навѣки уста запечатлѣла.

(Отворяетъ окно и затягиваетъ дрожащимъ голосомъ)

Дѣтушки, куда идетъ
Вашъ печальный хороводъ?

Голоса.

Нынѣ у насъ, пане,
Праздникъ на курганѣ;
Передъ свѣтлымъ маемъ
Вѣнки заплетаемъ;
Въ холѣ и на волѣ
Много цвѣту въ полѣ:
Бѣлая лилея
Всѣхъ цвѣтовъ милѣе.
Рано до разсвѣта
Обошла я поле,
Но роднаго цвѣта
Не видала болѣ!
Только разсвѣтало
Я у всѣхъ пытала:
Что такое стало
Съ радостью моею?
Люди отвѣчали:
— Прекрати печали,
Бѣлую лилею
Ангелы сорвали.

Нынѣ у насъ, пане,
Праздникъ на курганѣ;
Передъ свѣтлымъ маемъ
Травы собираемъ,
Травы собираемъ —
Пана вызываемъ.

(Канчукъ идетъ къ дверямъ, Мецъ за нимъ.)

Гр. Мецъ.

Сдѣлайте одолженіе, почтенный Харитонъ Ивановичь, дозвольте и мнѣ принять участіе въ вашемъ сельскомъ празднествѣ. Хороводы очень любопытны, какъ остатокъ язычества; кромѣ того, вѣроятно я найду тамъ прелестную Оксану, которую давно желаю видѣть.

Канчукъ.

Всѣ мы теперь идемъ къ ней; вамъ бы, Графъ, я не совѣтовалъ, но удерживать не смѣю.

(Оба выходятъ на улицу, гдѣ встрѣчаетъ ихъ большая толпа крестьянъ и крестьянокъ; группируются и начинаютъ шествіе по зеленому полю. Старый бандуристъ впереди, за нимъ Канчукъ, поодаль Мецъ.)

Старый бандуристъ *(поетъ)*.

Идуль я, идули дорожкою новой,
И чувствую холодъ и запахъ еловой,
И спутника сердцемъ испуганнымъ жду;
А та, что дороженьку эту торила,
Рыдая подругамъ своимъ говорила:
По ней я назадъ къ вамъ уже не приду.

Ребятишки.

Не придешь, не придешь?
Осердилась! За чтожъ?

Хоръ дѣвушекъ.

Надъ рѣчинькой, надъ быстрою
Домикъ себѣ выстрою;
Нѣтъ дверей въ немъ, ни окопца
Для гостей и солнца,
Только есть одна замѣтка —
Кипариснa вѣтка.

Къ ней сегодня на разсвѣтѣ
Пташка залетѣла
И о томъ, что есть на свѣтѣ,

Ласково пропѣла.
Какъ тамъ въ небѣ на свободѣ
Полный мѣсяцъ ходитъ,
Какъ онъ звѣзды въ хороводѣ
За собою водитъ;
Какъ на розовомъ кусточкѣ
Легкій зябликъ скачетъ;
Какъ отецъ по милой дочкѣ
Горько, горько плачетъ!

Ребятишки.

Всякъ заплачетъ, кто видалъ!
Самъ я цѣлый день рыдалъ!

(*Приближаются къ кургану.*)

Бандуристъ.

Съ вѣнкомъ и гирляндой, съ молитвой и пѣньемъ
Стою предъ твоимъ я безмолвнымъ владѣньемъ —
Твой бѣдный любимецъ, твой нищій-пѣвецъ;
Сосѣди и гости, родня и подруги,
Нѣмыя служанки, печальные слуги, —
И бѣдный ихъ баринъ, несчастный отецъ —

Ребятишки.

Всѣ пришли къ воротамъ:
Отвори сиротамъ!

Хоръ дѣвушекъ.

Отвори намъ, отвори намъ,
Утѣшенье подари намъ!

Мальчикъ.

Какъ тебя намъ не любить?
Ты меня
Приняла
Отъ купели;

Дѣвушка.

Ты меня учила пить
Бѣлыя кудели!
Какъ тебя намъ не любить!.....

Бандуристъ.

Охваченъ тоскою, проникнутъ смятеньемъ,
Зову тебя горькимъ, послѣднимъ моленьемъ,
Въ сосновыя двери стучу костылемъ
И жду, отомкнешь ты, и выдешь, и встрѣтишь,
И ласковой рѣчью сиротокъ привѣтишь,
Но глухъ, безъотвѣтенъ и теменъ твой домъ.

Ребятишки.

Ахъ, не можетъ отпереть!
Вотъ какъ страшно умереть!

Гр. Мецъ (*блѣднѣя*).

Милосердый Боже, этотъ курганъ — могила!

Канчукъ.

А въ могилѣ — Оксана. Теперь я вспомнилъ, какое добро ты мнѣ сдѣлалъ!

СЦЕНА VIII.

Отдѣленіе 1.

Равнина въ горахъ, покрытая кустарникомъ. — Ночь. — Графъ Мецъ на возвышеніи разсматриваетъ, лежа на травѣ, топографическую карту; подлѣ него молодой Офицеръ.

Молодой Офицеръ.

И такъ я шелъ безъ мыслей и безъ цѣли,
И страшная картина разрушенья
Моимъ очамъ испуганнымъ являлась.
Напрасно взоръ я обводилъ кругомъ:
Не видѣлъ онъ *живаго!* Поле мертвыхъ
Одѣла ночь холодными крылами;
Свинцовый сумракъ упадалъ на грудь,
Во мглѣ кровавой колебался мѣсяцъ
И звѣзды робко въ тучи убѣгали,
Позорищемъ гнушаясь ненавистнымъ.
У ногъ моихъ лежали трупы: странно
Безцвѣтныхъ лицъ ихъ выраженье было!
Ихъ было много, — цѣлые полки
Устлали долъ, храня и въ самой смерти
Стальныхъ рядовъ воинственный порядокъ.
Кругомъ валялись копья и мечи,
Клочки одеждъ, растерзанные члены,
Дремалъ на камнѣ пресыщенный воронъ,
И съ пастью обагреной тучный песъ
Лѣнивымъ шагомъ обходилъ равнину.

Не вдалекѣ отъ злополучныхъ мѣстъ
Спалъ юноша..... не спалъ онъ! Сномъ однакожъ

Приличнѣе такую смерть назвать !
Его чело, бѣлѣе алебастра,
Роскошными одѣтое кудрями,
Являло умъ, достоинство и смѣлость ;
Покой его былъ томенъ и изящень ;
Улыбкою уста его смыкались;
Изъ подъ рѣсницъ, полузакрытыхъ вѣжд ь
Виднѣлися зеницы голубыя.....
О чемъ онъ думалъ на смертельномъ ложѣ
Въ такомъ глубокомъ, строгомъ размышленьѣ ?
Чему смѣялся онъ и что провидѣлъ
Его недвижный и туманный взоръ ?

Какъ первая картина лютой распри
Грудь ужасомъ невольно наполняла
И прочь гнала, — такъ этотъ *спящій* мертвый
Къ себѣ неотразимо влекъ. Надъ нимъ
Стоялъ я долго въ грезахъ и мечтаньяхъ.
Я въ забытьи съ нимъ началъ разговоръ ;
Спросилъ его съ участьемъ дружелюбнымъ
О имени, о кровныхъ, объ отчизнѣ ;
Я приглашалъ его оставить одръ
И убѣждалъ, и самъ былъ убѣжденъ,
Что онъ такъ рано умереть не долженъ.
Когдажъ мое изчезло обаянье
И истина жестокая открылась,
Сталъ горько я и безутѣшно плакать,
И самъ себя допрашивалъ, за что
Мы юношу несчастнаго убили !

Увы, на сей мучительный вопросъ
Отвѣта сердце не имѣло ! Съ воплемъ
Оно меня въ злодѣйствѣ укоряло !
И обмануть себя старался я,
Моимъ дѣламъ превратныя названья
Давалъ, и въ хаосѣ понятій обоюдныхъ,

Страстей, повѣрій, гордыхъ предразсудковъ,
Стремился разумъ утопить, но совѣсть
Твердила мнѣ одно: убійца ты!
(*встаетъ*)
Графъ Мецъ, теперь я обращаюсь къ вамъ;
Скажите мнѣ: когда на полѣ брани
Вы носитесь, какъ геній-истребитель
И трупами являете вашъ путь,
Какая цѣль тогда васъ руководитъ,
И чѣмъ себя вы оправдать хотите?

Гр. Мецъ (*свертывая карту, сухо*).
Мѣшаешь ты моимъ соображеньямъ;
А впрочемъ дѣло кончено; теперь
Пускай *они* пожалуютъ: готовъ я.
(*Дружелюбнѣе*)
На твой вопросъ есть многіе отвѣты,
Но лицемѣрить для чего съ тобой?
Я объ отчизнѣ не скажу ни слова, —
У эгоиста нѣтъ ея. — И такъ
Приступимъ къ дѣлу прямо и открыто.

Когда столѣтнихъ тяжбъ — законовѣдецъ
Распутываетъ хитрые узлы,
И правотою низлагаетъ силу,
И угнетеннымъ руку подаетъ;
Когда съ трибуны рѣчью громовою
Господствуетъ надъ чернію ораторъ
И мчитъ ее, какъ вѣтръ морскія волны,
Ужели полагаешь, что все это
Творятъ они для выгоды, для славы,
Для доблести сухой и отвлеченной?
О, нѣтъ, мой другъ, такое существо,
Которое, одной служа корысти,
Для цѣли посторонней созидаетъ,
Ни чѣмъ, повѣрь мнѣ, никогда не будетъ!

Возмемъ примѣръ яснѣе. Вотъ поэтъ
За трапезой убогой въ скудной кельѣ
Рисуетъ намъ чертоги золотые,
Пиры, любовь и буйство молодое.
Съ какимъ усердьемъ медленно-упорнымъ
Онъ яркія созвучья набираетъ,
Чтобы чело дѣвицы увѣнчать!
Съ подробностью скупца и сластолюбца
Высчитываетъ женскіе уборы,
Достоинства кипучаго вина
И нѣги утонченные восторги.
Казалось бы, что міръ онъ жадно любитъ,
А дай ему всѣ блага міра, дай
Богатство, силу, поцѣлуи дѣвы, —
На лирѣ только запрети играть —
И онъ умретъ съ тоски среди блаженства!
Ему нужна мелодія, какъ жизнь!
Награду онъ пріемлетъ, но не цѣнитъ;
Вѣнку изъ лавровъ улыбнется онъ,
Но для него лишь *пѣсня* цѣлью *пѣнья*,
Лишь *трудъ* одинъ возмездіемъ за *трудъ*.

Теперь прошу тебя взглянуть сюда:
Сіи поля, покрытыя полками,
Зловѣщій блескъ оружья, топотъ коней,
До неба восходящіе костры
И ратниковъ воинственные крики,
Едвали менѣй, другъ мой, заключаютъ
Поэзіи въ себѣ любой поэмы!
Нѣтъ, никогда творецъ мятежныхъ драмъ
Не ощущалъ тѣхъ бурныхъ потрясеній,
Которыя въ часъ битвы ощущаю!
Какой разгулъ, какой восторгъ безумный!
Подобно богу грозному лечу,
Горящимъ окомъ мѣряю пространство,
Нѣмымъ полкамъ бросаю слово власти:

Иди — идутъ, остановись — стоятъ,
А ружей трескъ, а бронзовыя жерла
Мой гнѣвъ врагамъ смущеннымъ возвѣщаютъ.
Тогда печали заглушенный ропотъ
Не смѣетъ въ сердцѣ раздаваться; мысль
О понесенныхъ, горестныхъ утратахъ
Безмолвствуетъ; я дѣлаюсь великъ,
Недосягаемъ для земныхъ страданій!
Тогда судьбой играю я людей
И вижу въ нихъ лишь числа, изъ которыхъ
Мудреныя слагаю вычисленья; —
И если формулъ нѣсколько не нужныхъ
По случаю сотрется — что за дѣло!
Лишь бы остался главный, общій выводъ.

Вотъ ключь къ моимъ дѣяньямъ!.... Есть однакожъ
Причина имъ другая.... Слушай, Генрихъ,
Я иногда, скажу тебѣ за тайну,
Ребяческой мечтою услаждаюсь!
Вотъ видишь ли: когда-то я любилъ
Высокое, прекрасное созданье;
Ей имя — Текля, и теперь едва
Увижу я на небѣ звѣзды — тотчасъ
Глаза ея припомню голубые.....
Она была чудесно-хороша!
Земныхъ заботъ, условій и приличій
Не вѣдала, но духъ имѣла бранной
И пылкимъ сердцемъ славу обожала!
Не многіе изъ нашихъ удальцевъ
Конемъ съ такимъ искуствомъ управляютъ
И такъ мечемъ владѣютъ, какъ она!
Ей нравились разсказы боевые,
Гремящее движеніе полковъ,
Сигналы трубъ, пронзительныя флейты
И перекатный барабана грохотъ.....
Не много дней мы были вмѣстѣ! Скоро

Разлучены судьбой неодолимой,
Но я себѣ поставилъ первой цѣлью
Достойнымъ быть любимцемъ героини —
И нынѣ часто въ радостныхъ мечтахъ
Къ ея ногамъ кладу мои трофеи ....
На что себя сомнѣніемъ пугать ?
Вѣрь, добрый другъ, ее опять увижу !
Когда и какъ — не знаю, только сердце
Мнѣ говоритъ, что это совершится !

(*Скачетъ Адъютантъ*).

А д ъ ю т а н т ъ (*Мецу*).

Изъ за горы выходитъ непріятель
Въ густыхъ толпахъ.

Гр. М е ц ъ (*прибывающимъ Офицерамъ*).

На мѣсто, Господа !
Готовь коней !
Теперь за мной — туда !
Разбудимъ ночь перуномъ истребленья !

(*Полки скачутъ*).

Молодой Офицеръ. (*задумчиво, во слѣдъ ему*).

Опасною игрушкой ты играешь ;
Дай Богъ тебѣ раскаянья не знать !

СЦЕНА VIII.

Отдѣленіе 2.

Долина; на одномъ концѣ непріятельскій кавалерійскій отрядъ въ боевомъ порядкѣ; на другомъ — конные полки Графа Меца. — Мракъ и буря. — Непріятельскій вождь скачетъ вдоль своихъ рядовъ, дѣлая имъ окончательныя приказанія; словъ его не слышно; Мецъ строго за нимъ наблюдаетъ.

Гр. Мецъ.

Какъ малъ онъ ростомъ, гибокъ и проворенъ!
Онъ не вождя, ребенка видъ имѣетъ!
А не хотѣлъ бы я схватиться съ нимъ!
Предчувствіе, быть можетъ, пораженья?....
Сей часъ мы все увидимъ, — знакъ даютъ.

(*Непріятельскій отрядъ несется на полки Меца, которые начинаютъ колебаться*).

Ни съ мѣста вы, испуганные зайцы!
Трепещете предъ копьями враговъ?
Мой острый мечъ научитъ васъ порядку!
Стоять! Ни пикнуть! Обратиться въ камень!
Теперь пускай во весь опоръ коней, —
Ура! ура! — на смерть и на добычу!

(*Жаркая схватка. — Перевѣсъ то на той, то на другой сторонѣ. Непріятельскій вождь впереди; онъ ободряетъ сражающихся и усиливаетъ натискъ; полки Меца приходятъ въ замѣшательство и отступаютъ. Мецъ, пробившись сквозь толпу атаковавшихъ его воиновъ, бросается на вождя.*)

Гр. Мецъ.

Га, мальчикъ, лавра хочешь?..... Испытай,
Какъ дорого онъ стоитъ — вотъ тебѣ!

(Поражаетъ его).

Непріятельскій вождь *(падая съ коня, слабымъ голосомъ.)*

Моей одежды не касайтесь! Честно
Похороните неизвѣстный трупъ:
Я — женщина. *(Умираетъ).*

(Мецъ атакованъ и сноса увлеченъ въ битву; по долгой борьбѣ, непріятельскій отрядъ уступаетъ и разсѣевается; побѣдители преслѣдуютъ бѣгущихъ. Окруженный Офицерами, Мецъ возвращается на мѣсто сраженія.)

Гр. Мецъ.

Онъ завѣщалъ мнѣ сдѣлать погребенье,
И самъ себя онъ женщиной назвалъ,
Руки своей на слабость негодуя.....
Участія достоинъ юный воинъ!
Пронзивъ его, я весь затрепеталъ,
Какъ будто бы себя ударилъ въ сердце.....
Сюда подайте головню съ костра,
Съ чела его долой снимите каску:
Мнѣ хочется въ лице ему взглянуть.

(Приносятъ горящее полѣно и скимаютъ съ убитаго шапку.)

Одинъ изъ Офицеровъ.

Кровь темная съ волосъ его струится;
Весь въ локонахъ! Какъ видно, щеголь былъ!

(Отступая въ изумленіи)

Но — это не мущина!

Гр. Мецъ. *(Всматриваясь въ трупъ, страшнымъ голосомъ)*

Текля, Текля!
Ты отомстило, правосудье неба!

(Падаетъ безъ чувствъ на землю.)

СЦЕНА IX.

Дикое и пустое мѣсто на островѣ Хіо. — Развалины Монастыря. — Луна надъ моремъ.

Гр. Мецъ. (*Изнеможенный*).

Нѣтъ болѣе въ природѣ для меня
Тѣхъ сладостныхъ, тѣхъ пламенныхъ гармоній,
Которыми роднилось сердце съ міромъ!
Постыло мнѣ и чуждо мнѣ теперь
Изящное обиліе творенья;
Любовный гимнъ, пѣснь брачная существъ
Осиротѣлымъ чувствамъ не понятна
И жизнь своимъ блѣднѣющимъ лучемъ
Не согрѣваетъ груди отравленной.....
Погасни, бѣдный пламенникъ, погасни!
Ты велъ мои заблудшіе шаги
Отъ бездны къ безднамъ, отъ страданья къ горю,
И все, что здѣсь блаженствомъ называютъ,
Мнѣ обращалось въ муку и проклятье!

(*Подходитъ къ монастырю.*)

Я вижу храмъ, обставленный кругомъ
Могилами давно-почившихъ братій,
Которые когда-то въ немъ молились.....
Печальное повсюду запустѣнье!
Распалося чугунное крыльцо,
Гранитная травой одѣта паперть

И мозаика помоста покрыта
Обломками столбовъ и капителей ;
Разбитъ амвонъ ; вдали, на ржавыхъ петляхъ,
Златые створы жалобно висятъ
И въ алтарѣ давно-пустынномъ видны
Угасшій горнъ, истертые покровы
И тусклые отъ времени сосуды.....

(Ослабѣвая болѣе и болѣе.)

Здѣсь у дверей, на шаткую ступень
Склонюся я для отдыха, не смѣя
Безмолвіе святилища нарушить.
Какъ страшно мнѣ ! Какъ грудь моя тоскуетъ !
Какимъ священнымъ, непонятнымъ чувствомъ
Въ лицо мнѣ вѣетъ хладный сумракъ церкви !
Въ разбитыя оконницы луна
Дрожащіе лучи свои бросаетъ
И шитые на тканяхъ образа
Угодниковъ въ одеждахъ разноцвѣтныхъ
Колеблются, и движутся, и ходятъ.....

Трепещетъ сердце : я могу считать
Неровные, предсмертные удары —
Послѣднее усилье бѣдной жизни !
Еще, еще разъ нѣсколько — потомъ
Глубокій сонъ — ничтожество — забвенье.
Я сиротою покидаю міръ,
Я здѣсь одинъ !.... Одинъ ? А этотъ шелестъ ?
А этотъ свѣтъ, мерцающій и дальный ?
А этотъ звукъ, неуловимый слухомъ ?....
Домъ Божій, — онъ не можетъ опустѣть,
Какъ наша грудь, въ которой все святое
Задолго до кончины умираетъ....
Да, здѣсь живутъ минувшія мольбы,
Пролитыя на помостъ каплютъ слезы
И вздохи въ мрачныхъ сводахъ раздаются.
Сюда, быть можетъ, покидая гробъ,

Священникъ старый съ кладбища приходитъ
Служеніе обычное свершать,
И рядъ тѣней —

(въ испугѣ).

О милосердый Боже!
Я вижу призракъ! Голосъ слышу я!
Спасите, силы неба! Голосъ, голосъ!

(Падаетъ въ изнеможеніи на помостъ).

Голосъ изъ храма.

Во славѣ Твоей высоты
Міры безконечныя водишь,
Но долу, на зовъ сироты,
Въ печальное сердце нисходишь.
Глубоко въ душѣ заключимъ
Отрадное ей увѣренье:
Какая пучина пучинъ
Отдѣлитъ Творца отъ творенья?

Намъ вѣра — таинственный другъ,
Она отпираетъ намъ вѣжды;
Чѣмъ болѣ страданій и мукъ,
Тѣмъ болѣ любви и надежды.
Усталую грудь благодать
Крылами, какъ Ангелъ, обниметъ;
Міръ счастіе можетъ отнять,
Но вѣры, любви не отниметъ.

Богатство единое тѣхъ,
Которыхъ судьба обдѣлила,
Замѣна погибшихъ утѣхъ,
Безсилія дивная сила!
За тяжкій подлунный удѣлъ,
За горькія слезы, потери,
Укажешь ты вѣчный предѣлъ,
Отворишь небесныя двери.

Гр. Мецъ *(внѣ себя)*.

О, если ты безплотный только звукъ,
Поющій мнѣ предсмертныя молитвы,
За чѣмъ же ты, крылатый вѣстникъ Бога,
Ея устами сердцу говоришь?

(силится встать).

Черница *(выходя изъ храма)*.

Здѣсь слышались болѣзненные стоны,
Зовущіе на помощь..... незнакомецъ
Выходитъ робко изъ густаго мрака.....
Скажи мнѣ, странникъ, кто ты?

Гр. Мецъ *(бросаясь къ ея ногамъ)*.

Деспа, Деспа!

Деспа.

Возможно ли? Не сновидѣнье ль это?
Тыль это другъ? Тебя ли обнимаю?
О сладкое, отрадное мгновенье!
Благословенъ, благословенъ Господь,
Несчастной Деспѣ брата воротившій!
Скажи, гдѣ былъ, за чѣмъ такъ долго медлилъ,
И отъ чего ты блѣденъ и печаленъ?

Гр. Мецъ *(умирающимъ голосомъ)*.

Не спрашивай! Темнѣющимъ очамъ
Позволь тобой безмолвно любоваться!
Въ красѣ твоей дай силы почерпнуть,
Которыя природа отнимаетъ!
Свершилось, другъ, свершилось! Жизнь уходитъ!
О, не страшись меня къ груди прижать:
Еще одна минута, — безъ раздѣла
Въ ней Ангелы и небо воцарятся!
Я не ропщу: дорога слезъ и горя
Вела къ тебѣ; у милыхъ стопъ твоихъ
Страданіе и жизнь я заключаю!
Уста мои нѣмѣютъ..... прочитай
Отходное, послѣднее моленье.

Деспа *(на колѣняхъ, сложивъ на грудь руки).*

Господь, прости грѣхи ему,
Дай мѣсто у Тебя;
Служилъ Тебѣ онъ одному,
Изящное любя.
Водимъ земною красотой,
Онъ небо въ ней видалъ,
И свѣтъ, мятежный и пустой,
Его не оковалъ.
Онъ упоенье нѣги, сна
Заранѣ пренебрегъ;
Въ его душѣ была весна
И свѣжихъ чувствъ потокъ;
Но межъ погибельныхъ дѣтей,
Въ странѣ и бѣдъ и золъ,
Онъ къ вѣчной истинѣ Твоей
По заблужденьямъ шолъ.....
Непостижимъ въ своихъ судьбахъ
Верховный промзволъ,
И дольной жизни — въ небесахъ
Значенье и символъ.

Гр. Мецъ.

Господь не даромъ освѣтилъ
Любовію сердца:
Кто здѣсь твореніе любилъ,
Тотъ постигалъ Творца.

(Умираетъ.)

Бернетъ.

ОТРЫВКИ ИЗЪ СТИХОТВОРЕНІЙ: «КРЫМСКІЕ ВИДЫ.»

—

ПЕЩЕРЫ.

—

Гдѣ я? — Брожу во мглѣ сырой;
Тяжелый сводъ надъ головой;
Я посреди подземныхъ сферъ,
Въ безсвѣтной области пещеръ.

Но вотъ — лампады зажжены,
Пространства вдругъ озарены:
Прекрасенъ ты, подземный домъ!
Лежатъ сокровища кругомъ;
Весь въ перлахъ влаги сталактитъ
Холодной накипью блеститъ;
Тамъ въ тяжкихъ массахъ вывелъ онъ
Рядъ фантастическихъ колонъ;
Здѣсь облачный раскинулъ сводъ;
Тутъ пышнымъ пологомъ идетъ
И забранъ въ складкахъ надо мной
Виситъ кистями съ бахрамой,
И манитъ путника прилечь,
Заботы жизни сбросить съ плечь,
Волненья грустныя забыть,
На камень голову склонить,

На камень сердце опереть
И съ нимъ сліясь — окаменѣть.

Идемъ впередъ, — полземъ, — скользимъ:
Подземный ходъ непзмѣримъ;
Сводъ каждый, каждая стѣна
Хранитъ прохожихъ имена,
И силой хищной ихъ руки
Отъ стѣнъ отшибены куски;
Рубцы и язвы сихъ громадъ
Слѣдъ ихъ грабительства хранятъ,
И сами собственной рукой
Они здѣсь чертятъ вензель свой,
И въ сихъ чертахъ заповѣдныхъ
Печать подземной славы ихъ!

И кто здѣсь имя не вписалъ?
И кто отъ этихъ чудныхъ скалъ
Куска на намять не отсѣкъ?
Таковъ тщеславный человѣкъ!
Созданьемъ, дѣломъ–ли благимъ,
Иль разрушеньемъ роковымъ,
Бѣдой–ли свой означивъ путь,
Чертой–ли слабой — чѣмъ нибудь —
Онъ любитъ слѣдъ оставить свой
И на землѣ и подъ землей.

БАХЧИСАРАЙ.

—

Настала ночь. Утихъ базаръ.
Тѣснины улицъ глухи, нѣмы.
Луна, лелѣя сонъ Татаръ,
Роняетъ лучь сквозь тонкій паръ
На сладострастные гаремы.

Врата открылъ передо мной
Дворецъ. Подъ ризою ночной
Объяты говоромъ фонтановъ
Мечеть — гаремъ — гробницы хановъ —
Молитва — нѣга и покой.

Здѣсь жизнь владыкъ земныхъ витала,
Кипѣла воля, сила, страсть;
Здѣсь власть когда-то пировала
И громъ окрестъ и страхъ метала —
И все прошло; исчезла власть.

Теперь все полно тишиною,
Какъ сей, увѣнчанный луною,
Глубокій, яхонтовый сводъ.
Все пусто — башни и кіоски, —

Лишь чьей-то тѣни видѣнъ ходъ,
Да слышны въ звонкомъ плескѣ водъ
Стиховъ волшебныхъ отголоски.

Вотъ тотъ фонтанъ!.... Когда о немъ,
Гремя, вѣщалъ органъ Россіи,
Сей мраморъ плакалъ въ честь Маріи,
Онъ билъ слезами въ водоемъ —
И ихъ ужъ нѣтъ! — Судьба свершилась:
Ея послѣдняя гроза
Надъ вдохновеннымъ разразилась —
И смолкъ фонтанъ, — остановилась,
Заглохла въ мраморѣ слеза.

ГОРЫ.

—

Мой взоръ скользитъ надъ бездной роковой
Средь дикихъ стѣнъ громаднаго оплота.
Здѣсь — въ массахъ горъ — печатью вѣковой
Лежитъ воды и пламени работа.
Здѣсь — ихъ слѣды. Постройка ихъ крѣпка;
Но все грызутъ завистливые годы:
Кто скажетъ мнѣ, что времени рука
Не посягнетъ на зодчество природы?
Тутъ былъ обвалъ — исчезли высоты;
Тамъ ветхія погнулись ихъ опоры;
Стираются и низятся хребты
И рушатся дряхлѣющія горы.
Быть можетъ: здѣсь раскинутся поля,
Развѣется и самый прахъ обломковъ,
И черепомъ ободраннымъ земля
Останется донашивать потомковъ.
Міръ будетъ — степь; народы обоймутъ
Грудь плоскую тоскующей природы,
И въ полости подземныя уйдутъ
Текущія по склонамъ горнымъ воды, —
И отощавъ, изсякнетъ влага рѣкъ,
И область тучь дождями оскудѣетъ,
И жаждою палимый человѣкъ

Въ томленіи, какъ звѣрь, освирѣпѣетъ;
Пронзительно свой извергая стонъ
И смертный ревъ изъ пышущей гортани,
Онъ взмечется, и воздымая длани,
Открывъ уста, на голый небосклонъ
Кровавыя зѣницы оборотитъ,
И будетъ радъ тогда заплакать онъ,
И съ жадностью слезу свою проглотитъ!....
. . . . . .
И вотъ — падутъ изсохшіе лѣса;
Нигдѣ кругомъ нѣтъ тѣни вожделѣнной,
А надъ землей, какъ остовъ, обнаженной,
Раскалены, блистаютъ небеса,
И вѣтви нѣтъ, гдѣ-бъ плодъ висѣлъ отрадной
Для жаждущихъ, и каплею прохладной
Не свѣтится жемчужная роса,
И бури нѣтъ, и вѣтеръ не повѣетъ.....
А свѣточь дня, сверкающимъ ядромъ,
Проклятьями осыпанный кругомъ,
Среди небесъ, какъ язва пламенѣетъ.....

В. Бенедиктовъ.

(*Изъ Гете*).

Кого я вижу? не тебя-ли
Моей души любимый свѣтъ!
Быть съ милой розно — вотъ едва-ли
Не величайшая изъ бѣдъ.
О, это ты, моя родная,
Отъ злобы свѣта мой пріютъ;
Скорбящій духъ и грудь больная
Довѣрья счастью не даютъ.

Когда безжизненной громадой
Въ хаосѣ міръ еще лежалъ,
Зиждитель съ творческой отрадой
Созданья мигъ предназначалъ; —
И вотъ, съ предвѣчнаго престола,
«Да будетъ» рекъ хаосу Богъ,
И звуку мощнаго глагола
Отвѣтилъ жизни первый вздохъ.

Воспрянулъ свѣтъ, и робкой тѣнью
Сбѣжала тьма съ его лучей;
Пошли стихіи по творенью
Съ враждою вѣчною своей;
Духъ бытія, въ пространствѣ дикомъ
Даль населилъ со всѣхъ сторонъ;
Но ни однимъ веселымъ кликомъ
Міръ юный не былъ оглашонъ.

Все было тихо и уныло —
Даръ жизни грустно одинокъ;
Тогда роскошное свѣтило
На небосклонѣ Богъ зажогъ; —
Разсыпалось волной алмазной
По міру новому оно,
И жаръ любви новообразной
Съ тѣхъ поръ вкушать ему дано.

Что разлучилъ глаголъ созданья
Въ свой первый чудотворный мигъ,
То снова къ нѣгѣ сочетанья
Свѣтъ солнца радостно подвигъ;
Въ красѣ роскошно озаренной
Явились прелести земли —
И юныхъ жителей вселенной
Онѣ любовью увлекли.....

Вотъ такъ и я верховной силой
Къ тебѣ влекусь, моя краса, —
Вотъ такъ и нашъ союзъ, другъ милый,
Благословили небеса.
Творца божественнымъ глаголомъ
Изъ тьмы на свѣтъ мы рождены,
Его премудрымъ произволомъ
Намъ скорбь и радости даны.

Мейснеръ.

РАЗСКАЗЪ ГРЕКА.

—

Помню я, какъ изъ подъ пулей
Въ плѣнъ я взятъ былъ Янычаромъ,
Какъ потомъ меня въ Стамбулѣ
Онъ Султану отдалъ даромъ.

Помню я, хоть то не близко,
Какъ со скуки злаго плѣна,
Я сдружился съ Одалиской
Падишахскаго Гарема.

Были мѣстомъ нашей встрѣчи
То Гаремъ, то садъ просторный;
Вотъ въ одинъ прекрасный вечеръ
Подстерегъ насъ эвнухъ черный.

Помню, словно какъ въ туманѣ,
Были факелы и люди,
Ятаганъ у чей-то груди,
Чья-то кровь на ятаганѣ.

Помню послѣ, какъ по пяткамъ
Выводили мнѣ узоры,

А потомъ своимъ порядкомъ
Я ужъ плавалъ по Босфору.

Но не помню, други, вѣрьте,
Чѣмъ я съ моремъ расплатился,
Какъ изъ подъ носу у смерти
Между вами очутился.

А. Степановъ.

ЖАЖДА ПОКОЯ.

—

О, дайте коня мнѣ, коня мнѣ скорѣе
Уйти отъ людей, отъ терзаній души:
На быстромъ скаку я печали развѣю
По чистому полю, въ безлюдной тиши.
Быстрѣе, быстрѣй, мой бѣгунъ горделивый,
Смотри, ужъ и вѣтеръ завидуетъ намъ,
Несися туда, гдѣ источникъ красиво
Струится съ горы по зеленымъ холмамъ;
Гдѣ иволги вольной напѣвамъ внимая
Стоптъ очарованъ въ безмолвіи лѣсъ,
Гдѣ ярко блистая, заря золотая
Глядится въ источникъ съ лазурныхъ небесъ.
Тамъ отдыхъ намъ будетъ, тамъ влагой здоровой
Тебя напою я — бѣгунъ дорогой,
Стальную уздечку и поводъ шелковый
Съ тебя, мой красавецъ, все скину долой.
Тамъ пыль шумной жизни и скуку мірскую
Съ кудрей я своихъ и съ чела отряхну,
И горе забуду и гордость людскую,
Лишь радостей сладкіе дни вспомяну!

С.

Н. А. СТЕПАНОВУ.

Отвѣтъ.

—

За скорбь души, въ странѣ чужой,
Была твоя мнѣ дружба данью.
Такъ утомленный рокъ, порой,
Даруетъ радости страданью.

Давно я цѣну зналъ въ тебѣ
Прекрасному чистосердечью:
Теперь сильнѣй мой духъ въ борьбѣ
Окрѣпъ твоей могучей рѣчью.

Все въ жизни можно перенесть,
Когда достоинство, въ несчастьѣ,
Встрѣчаетъ мученика честь —
Его достойное участье!

Владиміръ Филимоновъ.

ИНОВѢРКА.

—

Много видѣлъ нужды я и горя,
Долго ждалъ ясныхъ дней я у моря;
Наконецъ улыбнулся мнѣ рокъ
И попутный подулъ вѣтерокъ.

Разъ увидѣлъ я дочь иновѣрца,
Къ ней влекло меня пылкое сердце;
Иновѣрка была хороша,
Въ ней была непорочна душа.

Разъ откинувъ и страхъ и сомнѣнье,
Я ей высказалъ сердца влеченье;
Сжала крѣпко мнѣ руку она:
Сколько было во взорѣ огня!

Я люблю тебя, другъ ненаглядный!
Но надъ нами законъ безпощадный;
Твоего не надѣну кольца,
Моего не умолишь отца.

У меня ятаганъ былъ съ собою,
Я помчался знакомой тропою,
Я искалъ встрѣчи съ старымъ отцомъ,
Съ нимъ сошелся къ лицу я лицемъ.

Онъ не ждалъ этой, кажется, встрѣчи;
Полились мои страстныя рѣчи,
На колѣнахъ глупца я молилъ,
Чтобы въ грѣхъ онъ меня не вводилъ.

Но напрасны мольбы и угрозы!
Мнѣ не отдалъ старикъ своей розы;
Мнѣ недоброе кто-то шепталъ —
И упрямецъ убитый лежалъ.

Я спѣшилъ къ иновѣркѣ въ объятья,
До меня долетали проклятья,
Изъ за тучь не казалась луна,
Ночь была и темна и страшна.

Вотъ и къ милой окну подхожу я,
У окна слышенъ звукъ поцѣлуя;
Я къ воротамъ — тяжелый запоръ —
Не видалъ я коварной съ тѣхъ поръ.

Но порою въ безсонныя ночи
Слезы жгутъ мои впалыя очи;
Мнѣ кивастъ старикъ головой
И звучитъ поцѣлуй за стѣной.

К. Доводчиковъ.

МАРТА.

СЕЛЬСКОЕ СТИХОТВОРЕНІЕ.

—

ГЛАВА I.

Близко Петровъ-день, приходитъ рабочья пора сѣлянину;
Въ полѣ богатство его и награда за трудъ терпѣливый,
Ржи золотые колосья къ землѣ наклонились,
Полнымъ ядромъ налитые, посѣвъ уродился
Волею Божьей съ избыткомъ.
Любо взглянуть на златистыя нивы, когда назрѣваютъ,
Легкимъ дыханьемъ волнуетъ ихъ утренній вѣтеръ,
Въ селахъ тогда по домамъ не сидятъ и, заря лишь займется,
Въ поле сбираются; тотчасъ серпы да обѣдъ запасаютъ,
Старый да малый лишь дома.
Вотъ, у калитки усѣлся, на солнышкѣ, дѣдъ сребровласый;
Грѣетъ старыя кости, у ногъ его маленькій внучекъ
Роется въ желтомъ пескѣ и строить сбирается избу,
Крышу сплотить не умѣетъ, и къ дѣдушкѣ тянется съ плачемъ;
Около внучка сбѣжалися дѣти сосѣда,

Пусть веселятся, сердечные, дѣдушка имъ не мѣшаетъ;
Матери дома нѣтъ, въ полѣ съ отцомъ и сестрами;
Выйдемъ и мы на работу взглянуть, добродушный читатель,
Поле отсюда намъ видно, а вотъ и тропинка,
Около рѣчки, по берегу желтому, лентою вьется....
Слышишь–ли звонкія пѣсни?
Такъ селянинъ за работой и пѣсенъ своихъ не забудетъ;
Доброму все хорошо и заботы отъ Бога на радость.
Вотъ молодая жена его пышетъ здоровьемъ,
Свѣжестью сельской свободы;
Весело ей возлѣ мужа трудиться:
Онъ, наклонившись, зубчатымъ серпомъ подсѣкаетъ солому,
Вяжетъ снопы золотые жена молодая,
Дочери носятъ на мѣсто.
Бросить перо приведется, а разсказать не умѣю,
Какъ хороша молодая, веселая Марта,
Старшая дочь ихъ.
Минулъ ей только пятнадцатый годъ, а сдается,
Завтра и въ церковь пора. Такъ на цвѣточную почку,
Глядя, не видишь цвѣтка золотаго, а ждешь поминутно,
Вотъ развернется и въ очи заглянетъ вѣнчикомъ пестрымъ,
Марта–красавица, словно цвѣтокъ средь долины,
Тихо въ семьѣ развивалась родимой;
Каждое утро, знать, Ангелъ, къ ея изголовью слетая
Свѣжей красою небесной,
Свѣжими розами жизни ее осыпаетъ;
Черныя очи невинностью дѣтскою блещутъ,
Нѣжно–звучащій, привѣтливый голосъ,
Словно святыхъ херувимовъ далекое пѣнье,
Въ душу низходитъ привѣтно,
И никогда, какъ надежда, сирой души не оставитъ,
Памятенъ голосъ небесный,

Дорогъ онъ сердцу, какъ вѣстникъ далекій блаженства.
Вечеромъ часто мы видимъ, на самомъ закатѣ,
Ярко средь звѣздъ сребровидныхъ звѣзда одинокая блещетъ, —
Нѣтъ ее краше по цѣлому небу,
Такъ средь подругъ молодыхъ и прекрасныхъ, какъ звѣзды,
Блещетъ красою несказанной милая Марта,
Дома–ли дѣвичьи игры, али работа какая,
Всюду лишь видится Марта,
Словно въ вѣнкѣ у невѣсты, бѣлая, пышная роза;
Бросить перо приведется, а не разскажешь про Марту.
Вотъ она вмѣстѣ съ сестрою веселой, какъ радость,
Снопъ подняла златовидный,
Бережно ставитъ на землю,
Весело смотритъ кругомъ на пушистые скирды;
Утренній вѣтеръ въ златистыхъ колосьяхъ играетъ,
Около Марты летаетъ и съ нею разстаться не можетъ,
Благо товарищъ нашелся ему любоваться прекрасной,
Грустно поникнувъ главою, недвижный, какъ крестъ надъ могилой,
Вправо, средь поля ржанаго, стоитъ молодецъ одинокій.....
Чтожъ ты задумался, милый? Аль урожай небогатый?
Али пшеница позябла?
Али червякъ ненасытный поле ржаное испортилъ?
Нѣтъ не о томъ твоя дума,
Хлѣбъ уродился на славу самъ–сотый,
Только снимать не лѣнись, да серпа не жалѣй ты стальнаго,
Нѣтъ, — и пшеница твоя не позябла отъ ранняго ненья,
Ты призадумался, глядя на милую Марту,
Слушая жадно веселыя пѣсни дѣвичьи,

Съ сердцемъ бесѣду ведешь про святое, взаимное
чувство.
Счастье возможно, лепечетъ тебѣ безтолковое сердце,
Ты и теперь ужъ едвали не счастливъ — надеждой
на счастье?
Видно что любишь, впервые, мой милый.

ГЛАВА II.

Алой зари полоса на закатѣ померкла,
День догорѣлъ, уступая владычеству ночи,
Вѣтеръ душистый уснулъ на цвѣтахъ утомленныхъ;
Струйки на озерѣ гладкомъ не видно, лишь рѣчка
Тихо по камнямъ журчитъ, изливая прохладныя воды,
Слышно лишь временемъ звонкія пѣсни и смѣхъ по деревнѣ, —
Хочешь, не хочешь, а намъ доведется зайти, мой читатель,
Скучны покажутся наши простыя утѣхи,
Вамъ въ теремахъ городскихъ веселѣе, чѣмъ въ полѣ,
Свѣту тамъ столько, какъ будто и мѣсяцъ и солнце
Въ вашихъ боярскихъ покояхъ возходятъ;
Всякихъ нарядовъ, камней самоцвѣтныхъ безъ счету,
Дѣвушки ваши.... да все-же не лучше красавицы Марты!
Благо, что близко. Устатку не знаетъ охота,
Глядя на молодцовъ нашихъ и красныхъ дѣвицъ, ты примолвишь,
День отъ восхода до самой вечерней зари на работѣ,
Надо-бы, кажется, знать и устатокъ,
Все-же до поздняя ночи веселыя слышатся пѣсни,

Радостный смѣхъ и забавы,
Вечеромъ, послѣ работы, сбираются дѣвушки наши,
Пѣсни поютъ, да прислушайся, вотъ и теперь запѣваютъ :

Собирались молодицы
Въ поле ягоды сбирать,
Подзывали молодицы
Съ собой молодца гулять ;
Ахъ, ты молодецъ удалый,
Что задумавшись стоишь ?
Али мало въ хороводѣ
Красныхъ дѣвушекъ у насъ ?
Али стыдно при народѣ
Тебѣ милую узнать.
— Мнѣ не стыдно при народѣ
Мою милую назвать,
Хороша моя подруга,
Какъ родная сторона,
Мнѣ мила она, какъ радость,
Но далеко до нее.....
— Недалеко, нашъ удалый,
Ему дѣвицы въ отвѣтъ,
Недалеко, коли любишь:
На любовь запрета нѣтъ.

Въ пѣсняхъ, въ безпечной веселости время идетъ невидимкой,
Свѣты мои нарядились, какъ будто на праздникъ,
Вотъ и знакомые наши, что давича въ полѣ попались:
Вся разгорѣлася, словно заря въ поднебесьѣ,
Милая Марта въ простомъ, голубомъ сарафанѣ,
Въ бѣлой рубашкѣ, на шеѣ янтарныя бусы,
Въ черной косѣ голубая, широкая лента,
Вотъ и задумчивый молодецъ, — видно утѣхи родныя не къ сердцу.
Говоръ веселый не молкнетъ, смѣняются играми пѣсни,

Знать ужъ и поздно: рѣдѣть хороводъ начинаетъ,
Марта пошла и подруги за ней по домамъ разбѣжались,
Дружно сплетаясь руками, пошли молодцы по деревнѣ,
Громкою пѣсней кончая веселье.
Пусто на улицѣ, — вотъ и послѣдняя пѣсня замолкла.
Часъ полуночи приходитъ;
Чудно синѣетъ, какъ яхонтъ прозрачный, далекое небо,
Ярко горя и блистая звѣздами,
Мѣсяца свѣтъ молодаго,
Словно серебренный мостъ изъ подъ неба,
Въ рѣчку концомъ опустился и зыблется вѣтромъ полночнымъ,
Длинныя тѣни домовъ улеглись по дорогѣ рядами,—
Тихо! Но кто-то идетъ по деревнѣ,
Вотъ своротилъ онъ съ дороги и къ новымъ воротамъ подходитъ,
Надо сказать вамъ, читатель, подъ этою кровлей,
Марта живетъ,
Вы догадаетесь, кто къ запертому окошку свѣтлицы,
Робко подходитъ:
«Ты не услышишь меня, ненаглядная радость дѣвица,
Сны твои сладостны, Ангелъ небесный хранитъ ихъ,
Сердце младое невиннымъ весельемъ трепещетъ,
Словно въ родимомъ гнѣздѣ, перелетная Божія пташка,
Сердце не скажетъ тебѣ про мое беззавѣтное горе,
Алыя розы-уста не прошепчутъ во снѣ мое имя,
Ясныя очи не взглянутъ въ мою одинокую душу,
Ты не узнаешь, а я и родному отцу не открою
Лютаго горя, тоски безвременной,
Каждую пору, какъ встрѣчу тебя въ хороводѣ веселомъ,
Сердце трепещетъ, боится за каждое слово,
Взглядъ на тебя уронить при другихъ я не смѣю,
Всякій мнѣ смотритъ въ глаза и печали моей дознается,

Всякій подходитъ къ тебѣ и со всѣми ты слово заводишь,
Я лишь задумаю только къ тебѣ подойти на полслова,
Сердце ударитъ тревогу, — тогда бы его мнѣ хотѣлось
Вырвать изъ груди холодной и бросить къ тебѣ на дорогу,
Пусть бы оно не мѣшало мнѣ, пусть бы не билось напрасно,
Все-бы я слушалъ тебя, красотой бы твоей любовался,
Всякаго такъ бы и обнялъ и назвалъ бы братомъ родимымъ.....
Встрѣчу-ль тебя на разсвѣтѣ въ бѣлыхъ рукахъ съ коромысломъ,
Сердце торопится ласковымъ словомъ привѣтить,
Рѣчью веселой съ тобой обмѣняться,
Многое хочетъ сказать и путемъ ничего не доскажетъ.
Въ краску боится тебя привести, ненаглядное солнце,
Словомъ неловкимъ смутить твою дѣвичью скромность.
Такъ-ли не такъ-ли далеко за полночь
Съ милой своей разговаривалъ молодецъ добрый,
Въ очи не видя прекрасной подруги.
Вотъ знать умаялся, сидя подъ окнами Марты,
Сладко на голой землѣ бѣдняку задремалось.
Вѣстъ предутренній вѣтеръ, свѣтлѣетъ востокъ отдаленный,
Ночь зарумянилась алой зарею,
Длинныя тѣни собравъ, какъ края серебротканой одежды,
Быстро по небу несется, на западъ далекій;
Вспыхнуло пурпуромъ яркимъ и златомъ блестящимъ все небо,
Облакомъ легкимъ свиваясь, туманъ въ поднебесье уходитъ,
Птицы проснулись, —
Перепелъ въ полѣ затѣялъ свою перекличку,
Въ небо взвился жаворонокъ,

Звонкою трелью играя въ пространствѣ воздушномъ,
Жемчугъ росы многоцвѣтной блеститъ на деревьяхъ,
Почки цвѣтовъ развернулись, дыша ароматомъ летучимъ;
Утро. А нашъ молодецъ еще спитъ подъ окномъ на землянкѣ,
Знать и во снѣ безпокойномъ милая съ нимъ неразлучно,
Страстно уста его шепчутъ безсвязныя рѣчи....
Вдругъ отворилась калитка и Марта, яснаго утра свѣжѣе,
Вышла на улицу, бѣлыя плеча прикрывъ душегрѣйкой,
Знать, побѣжала на ключь умываться холодной водою,
Вправо взглянула подъ окна,
Легкія серны быстрѣе, пустилась бѣжать безъ оглядки,
Прямо съ дороги къ рѣкѣ, черезъ мостикъ и быстро изчезла
Въ темныхъ листахъ златолистыя ивы.....
Всталъ, пробужденный отъ сна, молодецъ златокудрый,
Будто знакомый въ ушахъ его голосъ раздался,
Диву дался, никого не найдя предъ собою.

ГЛАВА III.

Праздникъ Успѣнія близко, кто кончилъ работы
Въ полѣ ржаномъ, собирались къ заутренѣ, въ церковь;
Къ ранней обѣднѣ, къ вечернѣ,
Клали земные поклоны и слушали слово святое;
Марта съ семьею родимою также говѣла,
Дома сидѣлъ только дѣдушка старый, да малая внучка.
Съ ранняго утра, окончивъ стряпню уходила хозяйка
Съ Мартою въ церковь,
Скоро за ними и мужъ приходилъ, удосужась;
День не безъ дѣла — и въ домѣ, хоть есть кѣмъ приняться,
Все наберется работа;
Вечеромъ, всею семьею, при свѣтѣ лучины сбирались
Около стараго дѣда послушать святаго писанья,
Съ прялкой хозяйка, съ неконченнымъ лаптемъ хозяинъ,
Дочери — съ чѣмъ доведется.
Дѣдушка грамотѣ зналъ, — не читалъ онъ гражданской печати,
Бойко за то разбиралъ, безъ ошибки, церковныя книги,
Развѣ иное нечетко написано было:
Чтоже? и тутъ не великое горе.

Марта отъ дѣдушки скоро читать научилась,
Тотчасъ, бывало, ему растолкуетъ невнятное слово.
Дѣдушко книгу подвинулъ, очки въ серебреной оправѣ
Вытеръ, надѣлъ осторожно и, крестъ сотворивъ передъ чтеньемъ,
Книгу раскрылъ, отыскалъ межъ листами закладку,
Началъ пророка Ісаію тихо читать, съ разстановкой:
«Мощной рукою
Сирую землю Богъ обойметъ, какъ гнѣздо, и разсыплетъ,
Тлѣньемъ изтлѣетъ земля и отъидетъ вся радость земная,
Страшно земля пошатнется, падетъ и возстать не возможетъ,
Жертвой закланья народы земные погибнутъ,
Въ ранахъ тяжелыхъ живыя повергнутся съ мертвыми вмѣстѣ,
Смрадъ смертоносный отъ бездны могильной изыдетъ,
Горы намокнутъ народовъ изсѣченныхъ кровью,
Силы небесныя, воску подобно, истаютъ,
Небо совьется, какъ свитокъ,
Звѣзды спадутъ, какъ съ лозы пожелтѣлые листья;
Праведнымъ мщеніемъ грозный,
Мечь Саваѳа упьется, наполнится кровію грѣшныхъ;
Дѣдушко, Марта сказала, ужели не будетъ прощенья?
Мы, вѣдь, умремъ ужъ въ ту-пору, а тоже-ли съ мертвыми будетъ?
— Ты неразумная, дѣдушко добрый ей молвилъ,
Всякому сбудется судъ по его прегрѣшеньямъ,
АнгелыБожьи не знаютъ, когда Вседержитель судить насъ возхощетъ,
Живы-ли будемъ мы, нѣтъ-ли, Единому Богу извѣстно,
Надо всегда быть готову на смерть и на судъ неумытный,
Праведнымъ Богъ не попуститъ погибнуть,

Ты лучше слушай, да въ сердце сбирай неизмѣнное слово....
Марта взглянула задумчиво дѣдушкѣ въ очи,
Будто хотѣла сказать, не брани меня, милый;
Тотчасъ притихла, внимая разумнымъ совѣтамъ;
Долго читали. Знать дѣдушко добрый совсѣмъ утомился,
Книгу закрылъ и, очки положивъ предъ собою,
Молвилъ онъ, «Богу молитеся, дѣти,
Давно знать время? Дремота меня одолѣла.»
Ласковымъ словомъ простился и тихо побрелъ на полати,
Скоро за нимъ разошлись и другіе.
Только хозяйка осталася, пасьмо допрясть початое.
Тихо горѣла лучина, порою бросая дрожащія искры,
Марта, сестру уложивъ, забѣжала проститься,
Словно туманомъ, слезой подернуты ясныя очи,
Алыя щеки поблекли, покрытыя блѣдностью томной,
Что ты здорова–ли, Марта, сказала ей мать боязливо?
Али устала сегодня отъ долгой сидѣнки?
— Нѣтъ, не устала, родимая, только мнѣ что–то не спится,
Все бы съ тобою сидѣла, да слушала сладкія рѣчи,
Сердце тоскуетъ родимая, такъ бы куда нибудь дѣлась!
Сны не отходятъ до самаго яснаго утра,
Страшно бываетъ ночами въ свѣтлицѣ высокой,
Ходитъ по сердцу то холодъ, то жаръ безуемной,
Ноетъ душа, будто надо разстаться съ тобою,
Давича дѣдовы рѣчи разумныя пали на сердце,
Помнятся, словно сего дня послѣдняя ночь наступаетъ....
«Полно! Въ испугѣ сказала ей мать, — а чего испугалась?
Вотъ хоть теперь вы спросите ее, — не отвѣтитъ.
«Спасу молися, да лягъ со крестомъ на постелю,

Завтра здоровье Богъ дастъ и веселье положитъ на душу....»
Марта простилась, ушла оглянувшись на мать со слезами.
Долго и мать просидѣла, задумавшись горько объ дочери милой.
Думай не думай, голубушка, воли Господней не снимешь;
Мало-ли сердцу сгрустнется, — не все то бываетъ къ печали,
Дума поможетъ немного, — а много научитъ сомнѣнью;
Радости наши и наши печали у Бога на сердцѣ, —
Волосъ съ главы не спадетъ безъ Его всемогущія воли.
Лучше подумай, не радость-ли сердце зазнало?
Время такое приходитъ, не диво тоска и волненье,
Полныя очи горятъ недосказаннымъ пламенемъ чувства,
Жарко вздымается грудь подъ цвѣтною косынкой,
Сонъ одинокій не милъ ей и страшно въ свѣтлицѣ!
Чтоже за диво?
Лучше готовь-ка, родимая, платье къ вѣнцу дорогое,
Пива побольше вари, да вина закупай зеленаго,
Добрыхъ сосѣдей зови, да ужъ что съ тобой дѣлать,
Видно, и я забреду на веселье,
Милую Марту мою съ женихомъ ненаглядным поздравить.

ГЛАВА IV.

Свѣтится тусклый огонь во свѣтлицѣ высокой у Марты;
Вѣрно сошлися подруги,
Сердце не даромъ заслышало въ будущемъ рѣзвую радость,
Видно придется купить златоцвѣтныя ткани на платье,
Черную дѣвичью косу расплесть передъ свадьбой,
Видно, что такъ, — и народъ любопытный подъ окнами ходитъ,
Ярко лучина пылаетъ въ избѣ и тѣснятся сосѣди по лавкамъ;
Вотъ и священникъ идетъ по деревнѣ,
Видно сегодня помолвка, а можетъ и все обручепье:
Даромъ священника звать не посмѣютъ,
Онъ хоть и добрый, да сельскихъ пирушекъ не любитъ,
Праведный старецъ и преданъ душею усердною Богу.
Надо, читатель, и намъ заглянуть и веселую кружку
Пива хмѣльнаго съ сосѣдами выпить!
Смирно по лавкамъ сосѣди сидятъ, разговоровъ не слышно,
За симъ на порядкахъ отвѣдали пива, вина зеленаго,
Мало нарядныхъ, да видно душа наряжалась усердно;
Вотъ и сестра ненаглядной невѣсты идетъ во свѣтлицу,
Очи въ слезахъ потонули, румянецъ поблекнулъ на щечкахъ,

Плачетъ, сестру провожая изъ дому, подругу невинного дѣтства;
Свѣчка горитъ предъ святою иконой....
Гдѣ-же веселой женихъ и его говорливая сваха?
Дай-ка спрошу у сосѣда.
«Будетъ родимый!» сосѣдъ съ удивленіемъ молвилъ.
Взяло меня нетерпѣнье, пойду во свѣтлицу къ невѣстѣ!
Нѣтъ ни единой подруги! Не сонъ-ли обманчивый вижу?
Свѣчка горитъ предъ иконой и тихо склонясь надъ кроватью,
Добрый священникъ молитву святую читаетъ,
Мать, заливаясь слезами, рыдаетъ и молится громко.
Милая Марта не ты-ли сбираешься съ нами проститься?
Точно не даромъ предчувствіе сердца внезепно приходитъ,
Душу смущаетъ печалью, —
Вмѣсто подклѣти, приводится гробъ приготовить тесовый.
Вмѣсто вѣнчальнаго платья — саванъ надѣть полотняный,
Видно не пива хмѣльнаго сосѣди мои упились, —
Горькой, нежданной печали.
Блѣдностью смертной покрыто лице ненаглядныя Марты.
Очи прекрасныя блещутъ послѣдними искрами жизни;
Съ розовыхъ устъ не слетаетъ улыбка веселости дѣтской,
Молча, прощается Марта съ своей одинокой свѣтлицей,
Рѣчи безсвязныя мрутъ на устахъ омертвѣвшихъ,
Тихо вздохнула, прощаясь съ жизнію Марта.
Хладъ неизбѣжной кончины сковалъ ея нѣжныя руки,
Сердца послѣдній ударъ отозвался на лицахъ
Доброй семьи, отягченной бѣдою.
Милаго Ангела, Марты моей ненаглядной не стало,
Нѣтъ на землѣ утѣшенья,

Матери доброй, отцу пораженному горемъ нежданнымъ,
Цѣлой деревнѣ, лишенной веселья на долго,
Всѣмъ православнымъ, любившимъ прекрасную Марту.

. . . . . .

Три дня прошли и настало послѣднее утро,
Колоколъ звономъ унылымъ вѣщаетъ обѣдню,
Звона того не забыть до могилы убитому горемъ Андрею.
(Такъ называли того молодца, что на житвѣ попался)
Нѣтъ для него у людей ни надежды, ни радости свѣтлой,
Жадно онъ Марту любилъ, а теперь полюбилъ ее вдвое,
Слова промолвить не могъ про свои золотыя надежды,
Тихой слезою боится, при людяхъ, въ минуту разлуки,
Сердца тяжелую боль обнаружить.
Ждетъ средь толпы любопытной послѣдняго съ милой свиданья,
Съ пѣньемъ изъ дому выходятъ,
Съ плачемъ за гробомъ идутъ, отягченные скорбью родные.

. . . . . .

Чтоже? ужели безумное горе погубитъ Андрея?
Дни незамѣтно за днями промчатся,
Можетъ быть, Марты могила цвѣтами разцвѣсть не успѣетъ, —
Въ тихомъ сознаньи былаго блаженства,
Горе Андрея умолкнетъ,
Стражемъ небеснымъ минувшее станетъ у сердца,
Можетъ быть, добрый Андрей позабудетъ про Марту? недиво:
Счастье–привычка, ему не мѣшаетъ чужая могила.

Е. Огородниковъ.

ПЛОВЕЦЪ.

—

Я берегъ покину, корабль мой могучій
По влагѣ направитъ державный полетъ. —
Склони подъ нимъ море покорный хребетъ,
Пусть слухъ мой ласкаетъ напѣвъ твой гремучій;
Плещитесь, бѣгите толпой у кормы
Вы, духи пучины, изчадія тьмы.

«Кто ты, безумецъ? дерзкій языкъ твой
Въ вѣчную бездну проникъ,
Морю ввѣряясь — привѣтствуй молитвой
Грозныхъ пучины владыкъ:
Бренный корабль на волнахъ безмятежныхъ
Ихъ снисхожденьемъ храпимъ;
Молвятъ — и слѣдъ твой въ пучинахъ безбрежныхъ
Сгладятъ дыханьемъ однимъ.»

— Надзвѣзднаго міра и бездны подводной
Мнѣ страшныя тайны открыли судьбы,
Я духъ самобытный, я геній свободный. —
Покорствуйте, скрытые въ мракѣ рабы.

*

ІЮНЬ.

—

I.

Свѣтаетъ рано, ночь настанетъ — не темно,
Давно съ сохой мужикъ на пашнѣ бродитъ барской;
Прошелъ Егорьевъ день давно,
Въ Аркадіи Ингерманландской
Давно трубитъ Чухонецъ-пастушекъ
Въ свой идиллической рожокъ.....

II.

Трава кой-гдѣ, поля нагія,
Не манятъ зеленью угрюмые лѣса,
На небѣ тучи дождевыя,
Осенній съ моря вѣтръ вздуваетъ паруса,
Нева холодная туманами одѣта,
Двойными рамами закутаны дома,...

III.

О, ты двухъ-дневное, о сѣверное лѣто!
За бѣлою зимой зеленая зима!
Времянъ годичныхъ смѣсь: и холодно и душно,
И пыль и снѣгъ, морозъ и громъ;
Спѣсиво солнце здѣсь и небо равнодушно.
Въ великолѣпіи нѣмомъ,
Гульбища мрачныя, не веселы веселья,

Образчики садовъ, деревья вкругъ болотъ,
На камняхъ воткнуты безлистныя деревья,
Цвѣты, поблекшіе отъ вьюгъ и непогодъ,
Борьбы съ природою, трудовъ усильныхъ плодъ;
Подъ небо тянутся громадныя созданья,
На зыбкихъ берегахъ трепещущія зданья;
Полетъ невидимъ облаковъ,
Гранитомъ скованныя воды;
Здѣсь взрыты улицы, тамъ сломанные своды,
Кой-гдѣ рабочихъ переходы,
Да отзывъ вдалекѣ ихъ грустныхъ голосовъ.....

IV.

Гдѣ ты, привольное житье мое былое?
Ахъ! дайте мнѣ даль свѣтлую полей,
И воды вольныя, и небо голубое,
Мракъ усладительный полуденныхъ ночей,
И зорю и разсвѣтъ, луговъ цвѣтныхъ узоры,
Лѣса зеленые, синѣющія горы.....
Взглянуль опять на васъ, Европы дивный садъ,
На берегъ Эльбы незабвенной,
На поэтическій Тарантъ?
Увижуль Репнъ вдохновенный?
Ахъ! дайте воздухомъ Италіи дохнуть!
На гробовой скалѣ былаго Прометея,
И негодуя и жалѣя,
Скрижали міра развернуть,
И подъ обломкомъ Колизея
Отъ бѣдной жизни отдохнуть.....

В. Филимоновъ.

ОСНОВАНІЕ СКАДАРА.

Три Мрлявчевича брата: Король Вукашинъ сильный,
Углеша воевода и Гойко, братъ юнѣйшій,
Хотятъ построить Скадаръ на берегахъ Бояны,
На берегахъ Бояны хотятъ построить крѣпость.
Рабочихъ призываютъ, пришло рабочихъ тристо,
И стали класть основу, основу подъ строенье.
Кладутъ ее три года, три года какъ трудятся,
Впередъ нейдетъ работа: все то, что въ день бывало
Рабочіе ни сложатъ, до камня разрушаетъ
Во время ночи Вила. И такъ прошло три года,
И такъ прошло три года, и такъ насталъ четвертый,
Пока съ горы высокой разъ не сказала Вила:
«Зачѣмъ, Король Вукашинъ, ты даромъ деньги тратишь?
«До сей поры подъ зданье ты не заклалъ основы,
«А вѣрно безъ основы ты крѣпость не состроишь,
«Пока ты не найдешь мнѣ родныхъ сестру и брата,
«Пока ты не найдешь мнѣ Стою и Стояна
«И ихъ ты не заложишь въ основу подъ строенье
«Напрасно будешь деньги, напрасно время тратить.
Когда Король Вукашинъ слова услышалъ Вилы,
Послалъ за Десиміромъ, рабомъ своимъ вѣрнѣйшимъ.
«Послушай, сынъ любезный, послушай, Десиміръ,

«Досель ты былъ слугой мнѣ, отнынѣ будешь сыномъ:
«Ступай и запряги коней моихъ въ повозку
«И шесть мѣшковъ со златомъ возьми съ собой въ дорогу;
«Иди, любезный сынъ мой, ищи по бѣлу свѣту,
«Родныхъ сестру и брата, именъ двухъ одинакихъ,
«Иди и отыщи мнѣ Стою и Стояна.
Шесть лѣтъ слуга проѣздилъ, нигдѣ на бѣломъ свѣтѣ
Нигдѣ найти не могъ онъ ни Стои, ни Стояна,
И съ тѣмъ назадъ пріѣхалъ: «Возьми, Король Вукашинъ,
«Возьми коней и злато: нигдѣ на бѣломъ свѣтѣ,
«Нигдѣ не могъ найти я именъ двухъ одинакихъ,
«Нигдѣ найти не могъ я ни Стои, ни Стояна.»
Тогда Король за Радомъ, строителемъ главнѣйшимъ,
Послалъ, и Радъ сзываетъ опять своихъ рабочихъ;
Но все, что въ день бывало рабочіе ни сложатъ,
До камня разрушаетъ во время ночи Вила,
И не могли основы они закласть подъ зданье,
Такъ гдѣжъ имъ было стѣны построить городскія!
Тогда съ горы высокой опять сказала Вила:
«Ну что Король Вукашинъ, меня ты не послушалъ?
«Не трать-же даромъ денегъ, не мучь себя напрасно:
«Досель не могъ основы ты заложить подъ стѣны,
«А безъ основы вѣрно ты крѣпость не построишь?
«Меня, Король, послушай: родныхъ васъ трое братьевъ,
«Всѣ трое вы женаты, и носятъ ваши жены
«Рабочимъ утромъ завтракъ; пусть ту, что завтра утромъ
«Прійдетъ сюда всѣхъ раньше, заложатъ подъ основой:
Тогда я вамъ позволю построить вашу крѣпость.
Зоветъ Король Вукашинъ, зоветъ родныхъ двухъ братьевъ:
«Послушайте, что Вила сказала мнѣ сегодня;
«Сказала, что не надо намъ денегъ тратить даромъ,

«Чтобы закласть основу, на ней построить стѣны;
«Что всѣ мы трое братья, всѣ трое мы женаты,
«Что носятъ наши жены рабочимъ утромъ завтракъ;
«И если ту, что завтра прійдетъ сюда всѣхъ раньше,
«Мы закладемъ въ основѣ, подъ крѣпостныя стѣны,
«То разрушать не станетъ она постройки нашей.
Тогда клянутся братья, клянутся Всемогущимъ,
Что ни одинъ не скажетъ о томъ своей супругѣ,
Отдавъ на волю Бога, которой онъ присудитъ
Прійти себѣ на гибель всѣхъ раньше на строенье.
Настала ночь, и братья ушли домой съ работы;
Отужинали. Каждый, съ своей супругой вѣрной
Ушелъ въ опочивальню. Забыто обѣщанье,
Забыта клятва братьевъ! Король Вукашинъ первый
Сказалъ своей супругѣ: «смотри, душа, ты завтра,
«Смотри, не торопися нести рабочимъ завтракъ;
«Не то себя погубишь, погубишь жизнь младую,
«Не то тебя заложатъ подъ крѣпостныя стѣны.
Презрѣлъ Углеша также обѣтъ, вчера имъ данный:
«Смотри, женѣ сказалъ онъ, на берега Бояны,
«Смотри, не торопися нести рабочимъ завтракъ:
«Не то себя погубишь, погубишь жизнь младую,
«Не то тебя заложатъ подъ крѣпостныя стѣны.
Одинъ несчастный Гойко остался клятвѣ вѣренъ,
Одинъ не разсказалъ онъ женѣ ужасной тайны.
И вотъ заря настала, проснулись трое братьевъ,
И вышли на работу, на берега Бояны. —
Двѣ старшія невѣстки выходятъ за мужьями:
Одна на лугъ выходитъ, холстъ бѣлый растилаетъ,
Потомъ идетъ въ бѣлильню, и больше не приходитъ,
Съ кувшинами, другая, уходитъ за водою,
И тамъ заговорилась съ сосѣдкой у колодца!
Одна подруга Гойки еще не выходила,
Качала въ колыбели безцѣннаго малютку,
Но завтракъ приготовленъ, пора нести къ Скадару;
Проснулась мать-старуха, зоветъ къ себѣ служанокъ,

И хочетъ на строенье нести рабочимъ завтракъ.
«Нѣтъ, матушка, останься, дитя мое поняньчи,
«А я пойду къ Скадару, снесу рабочимъ завтракъ.
«Грѣшно намъ передъ Богомъ, и стыдно предъ мужьями.
«Твои тревожить лѣта, трудить тебя напрасно.
И мать осталась дома, а Гойкова подруга
Взяла съ собой служанокъ, и вышла на строенье.
Далеко мужъ завидѣлъ несчастную супругу:
На встрѣчу къ ней выходитъ, цѣлуетъ, горько плачетъ:
«На смерть сюда пришла ты, на смерть, моя голубка;
«Безъ матери, кто станетъ дитя мое лелѣять;
«Купать его кто будетъ, кормить кто станетъ грудью!»
Проститься Гойко хочетъ съ подругой молодою,
Но вотъ Король Вукашинъ беретъ ее за руку,
Рабочихъ созываетъ; приходитъ Радъ строитель,
Кладутъ у ногъ ей камни, и бревна утверждаютъ.
И вотъ она въ основѣ по самыя колѣна.
Не думаетъ бѣдняжка, понять того не можетъ,
Что дѣлаютъ съ ней братья: ей кажется, что шутятъ!
Кладутъ, межъ тѣмъ, основу рабочіе все выше:
Она по самый поясъ бѣдняжкѣ ужъ доходитъ.
Тогда понятно стало, какой ужасный жребій
Ей деверя готовятъ и къ нимъ она взмолилась:
«За что губить хотите мои младыя лѣта;
«За что меня, младую, вы погубить хотите.
Но деверя не внемлютъ, отъ ней отворотились.
Несчастная забыла и страхъ и стыдъ свой женскій;
И стала у супруга просить себѣ пощады:
«Не попусти супругъ мой, мой господинъ любезный,
«Чтобъ, юную, въ основѣ меня здѣсь заложили!
«Ступай къ моей родимой, у ней есть много злата;
«Купи себѣ рабыню и заложи подъ стѣны.
Но мужъ ей не внимаетъ — отъ ней отворотился.
Строителя увидя, она къ нему взмолилась:

«О Богѣ милый братъ мой, исполни, Радъ строитель,
«Всевышнимъ заклинаю, мою исполни просьбу:
«Продѣлай подлѣ груди окошечко въ основѣ.
«Когда прійдетъ мой Іово, чтобы могла сквозь стѣну
«Его кормить я грудью — и Радъ ее послушалъ:
Оставилъ подлѣ груди окошечко въ основѣ,
Чтобы могла сквозь стѣну, она кормить младенца.
«О Богѣ милый братъ мой, исполни, Радъ строитель,
«Всевышнимъ заклинаю, мою исполни просьбу,
«Продѣлай подлѣ глазъ мнѣ окошечко въ основѣ;
«Какъ будетъ приходить ко мнѣ мой милый Іово,
«Чтобъ я могла сквозь стѣну глядѣть, какъ онъ
приходитъ;
«Могла сквозь стѣну видѣть, какъ будетъ уходить онъ.
И матери мольбою, былъ тронутъ Радъ строитель,
Оставилъ подлѣ глазъ ей окошечко въ основѣ,
Чтобы могла сквозь стѣну она глядѣть и видѣть,
Какъ будутъ приходить къ ней и уносить младенца.

—

—Такъ Скадаръ былъ построенъ на берегахъ Бояны—
Ребенка приносили къ означенному мѣсту,
И цѣлую недѣлю въ окошкѣ мать кормила;
Когда прошла недѣля, не слышно бѣдной стало,
Но пищи для младенца на цѣлой годъ осталось,
И до году кормила она его въ окошкѣ.
Досель то мѣсто славно цѣлительною силой:
У матерей, кормилецъ, коль молоко пропало,
Онѣ приходятъ въ Скадаръ съ зарей на поклоненье,
И посылаетъ Небо недугу изцѣленье.

Съ Сербскаго *П. Протопопов*.

ПѢСНЯ.

«Свѣтла рѣчка подъ окномъ твоимъ шумитъ;
Можно, дѣвица, коня мнѣ напоить?» —
Кто мѣшаетъ? Да подальше отъ меня:
Я мала еще, боюся я коня.

«Макъ червонный подъ твоимъ цвѣтетъ окномъ;
Макъ притоптанъ: кто ходилъ къ тебѣ по немъ?»
Полно, парень, злыя рѣчи говорить!
Къ сиротинкѣ бѣдной станетъ кто ходить!....

«Богъ съ тобою! До тебя мнѣ дѣла нѣтъ;
Да скажи, зачѣмъ ты сердишься на свѣтъ?» —
Я не знаю, что-то сталося со мной:
Все мнѣ грустно, плакать хочется одной. —

Е. Гребенка.

ІОАННѢ Д'АРКЪ.

—

Отечества и пола украшенье,
Терпѣла ты насмѣшки и презрѣнье —
Всегда таковъ прекраснаго удѣлъ!
Всѣмъ дерзкій умъ, безчинствуя, играетъ,
Что смертнаго достойно отличаетъ —
Всѣмъ, чѣмъ Творецъ возвысить насъ хотѣлъ.

Но не ропщи; поэзіей священной,
Какъ ты сама, въ величіи смиренной,
Сохранены заслугъ твоихъ права:
На перекоръ судьбѣ твоей суровой
Она тебѣ свила вѣнокъ лавровой —
И будешь ты по смерть міровъ жива.

Свѣтъ гордъ и золъ; всегда ему пріятно
Блескъ помрачить, высокое низвесть;
Но межъ людей, въ семьѣ ихъ необъятной,
Еще сердца чувствительныя есть;
Къ прекрасному горятъ они любовью,
Высокое ихъ пламенно живитъ,
А тамъ, гдѣ чернь хохочетъ празднословью
Ихъ мучитъ грусть и горе тяготитъ.

На площадяхъ и торжищахъ народныхъ
Вокругъ шутовъ сбирается толпа;
Но горсть людей по чувствамъ благородныхъ
Для всѣхъ фиглярствъ бездушна и слѣпа;
Имъ нуженъ міръ и образы иные —
Къ великому влечетъ великій духъ;
Лишь истины поборники прямые
Манятъ ихъ взоръ и услаждаютъ слухъ.

А. Мейснеръ.

РАЗОЧАРОВАНІЕ.

—

Минуло время обольщенья,
Когда, поклонникъ красоты,
Я ждалъ, безумный, воплощенья
Моей несбыточной мечты....
Когда, подъ пламенною маской
Могильный холодъ затая,
Привѣтомъ чуждымъ, чуждой лаской
Вы, люди, мучили меня.....

Прости, пора очарованій,
Роскошныхъ сновъ, роскошныхъ грезъ,
Пора восторговъ и желаній,
Безумныхъ думъ, безумныхъ слезъ.....
И грустно мнѣ, что такъ напрасно
Надежды сердца погубилъ,
И больно мнѣ припомнить ясно,
Какъ рано я обманутъ былъ.....

Х. Шевцовъ.

У всѣхъ насъ есть любимая забава:
Иль птички пѣснь, иль рѣзвый мотылекъ,
Иль винъ кипящая отрава,
Иль пурпуромъ украшенный цвѣтокъ,
Или вдали мерцающая слава.

Но что вино, что рои мотыльковъ,
Что соловья сребристые напѣвы,
Что славы блескъ и пурпуры цвѣтовъ, —
Предъ думой сердца юной дѣвы!

В. Григорьевъ.

ЖЕНЩИНѢ БЕЗЪ УПРЕКА.

—

Не жаль вамъ юношу пѣвца,
Уже извѣдавшаго горе?
Не жаль вамъ бѣднаго пѣвца —
Съ могильной блѣдностью лица,
Съ любовью робкою во взорѣ?

Не жаль! — я знаю, вы шутя
Его обречь готовы плахѣ,
Вамъ любо: гордое дитя,
Съ небесъ лазоревыхъ слетя,
Предъ вами ползаетъ во прахѣ.

Не такъ ли? — Пусть его чело
Браздится ржавчиной болѣзни!
Вѣдь ваше имя, какъ стекло,
Прозрачно, чисто перешло
Въ его восторженныя пѣсни.

Довольно этого молвѣ.....
Уже трубятъ за нею въ свѣтѣ
О недоступномъ божествѣ,

Представшемъ въ новомъ торжествѣ —
И падшемъ ангелѣ-поэтѣ.

Чего-жь еще? — игрѣ конецъ.....
Сходя съ доски ненужной пѣшкой
Теперь поклонникъ вашъ-пѣвецъ,
Любви высокой образецъ,
Привѣченъ горькою насмѣшкой.

Вы правы! — Какъ любить пѣвца?
Безвѣстный — пусть себѣ погибнетъ!....
Привыкшій къ терніямъ вѣнца,
Къ слезамъ и мукамъ безъ конца,
Едва ли къ счастію привыкнетъ.

Дурной любовникъ онъ для васъ;
Онъ гордъ, правдивъ и не забавитъ —
И можетъ быть, не въ добрый часъ
Онъ, добродѣтельную, васъ
Стихомъ ревнивымъ обезславитъ.

Другое дѣло Фанъ-деръ-бубъ.....
А кстати вотъ его примѣты:
Любезенъ съ дамами и глупъ,
Имѣетъ пару алыхъ губъ,
. . . . . .

На тайны гробъ; какъ рыбка нѣмъ;
Но молча письма вамъ покажетъ;
Въ интригѣ ль онъ — не скажетъ съ кѣмъ,
Отвѣтитъ: такъ! — а между тѣмъ
Что нужно глазками доскажетъ.

И говорятъ, что онъ не разъ
Для женъ къ мужьямъ втирался въ дружбу —
И что, быть можетъ, въ этотъ часъ —

Но полно вѣрить ли? — при васъ
Несетъ по должности и службу.

Что чуть вашъ мужъ, чтобы не спать,
Погрязнетъ въ кузовъ экипажа,
Ужь вы въ передней, чтобъ сказать:
«Сегодня къ намъ не принимать.»
И всюду выставлена стража.

Что въ эти сладкіе часы
Герой вашъ тянетъ дымъ изъ трубки,
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Но дать ли вѣру злымъ рѣчамъ:
Мы ихъ подслушали случайно;
И какъ грѣхи замѣтить намъ,
Когда грѣшатъ по вечерамъ
Со всемъ приличіемъ и тайно?

Н. Степановъ.

Мы встрѣтились — и тотъ-часъ разошлись.
Ни онъ, ни я не высказали мыслей
И чувствъ своихъ другъ-другу; будто сонъ
Свиданье съ нимъ мелькнуло и изчезло:
Но сердце мнѣ твердитъ: не знаю, гдѣ,
Здѣсь, или тамъ; сего дня, или завтра,
Сольетесь вы душа съ душой, какъ небо
Сливается въ дали съ лазурнымъ моремъ.

С. Дуровъ.

ЧАСОВОЙ.

—

Дубъ наклонился вѣтвистый,
Не шепчутся листья во снѣ:
Мѣсяца лучь серебристый
Играетъ на темномъ окнѣ.

По небу тучки ночныя
Куда-то далеко спѣшатъ.
Носятся сны золотые
Подъ сѣнью угрюмыхъ палатъ. —

Тамъ подъ завѣсой шелковой
Какъ Ангелъ, моя госпожа —
Съ плечь опустились покровы,
Лилейную грудь обнажа.....

Знойный не слышится лепетъ....
Не грезитъ она ни о комъ? —
Знала бъ она этотъ трепетъ....
Но ктожь ей разскажетъ о немъ!...

Еслибъ не дочка такая,
Отцу я не сталъ-бы служить —
Мѣдныя латы таская,
Всю ночь подлѣ замка бродить. —

Другъ недоступный, прекрасный,
Тебѣ все принесть я готовъ...
Что-жь тебѣ въ жертвахъ напрасныхъ....
Вѣдь много покорныхъ рабовъ!...

Нѣтъ, не надеждой лукавой
Я жаркій недугъ изцѣлю —
Тяжкой любви моей право
Молчаніемъ гордымъ куплю....

Сномъ вѣковѣчнымъ, могучимъ
Засну на чужой сторонѣ....
Еслижь подъ снѣгомъ сыпучимъ
Увижу твой образъ во снѣ —

Тамъ мнѣ не будетъ покоя....
Приду изъ чужой стороны;
Страстью одѣнусь нѣмою
При блескѣ холодной луны....

Дубъ наклонился вѣтвистый,
Не шепчутся листья во снѣ;
Мѣсяца лучь серебристый
Играетъ на темномъ окнѣ.

А. Пальмъ.

1844.

Е. Н. Ш.

—

Когда надъ шумнымъ водопадомъ,
Близь самой бездны, на краю,
Блуждая въ ней угрюмымъ взглядомъ,
Я, въ бурю ярую, стою —
Мой духъ отвагою мужаетъ,
Какъ волны мечется, кипитъ,
И землю гнѣвно отвергаетъ,
И въ небо съ гордостью паритъ.
Но если, ставъ въ тѣни древесной,
Надъ влагой горнаго ручья,
Къ его гармоніи чудесной
Въ тиши прислушиваюсь я,
Въ то время, въ думахъ вдохновенныхъ,
Душа блаженствуетъ вполнѣ,
И небеса, съ высотъ священныхъ,
Низходятъ сами въ грудь ко мнѣ.

Когда, въ твореніи великомъ,
Со мной бесѣдуетъ поэтъ,
И оглашаетъ скорбнымъ кликомъ
Глубоко презрѣнный имъ свѣтъ —
Я раздѣляю съ нимъ презрѣнье,

Терзаюсь ненавистью самъ,
И духа гордое паренье
Вновь направляю къ небесамъ.
Но если, твердъ въ гоненьяхъ рока,
Съ мольбой подъ бременемъ своимъ,
Пришлецъ на землю издалека —
Поетъ мнѣ гимны херувимъ,
Въ то время, въ дивныхъ звукахъ слова,
На сердце льется мнѣ роса,
И въ грудь мою нисходятъ снова,
Съ блаженствомъ райскимъ, небеса.

Такою пѣснью вдохновенной
Я часто душу услаждалъ,
Когда глубоко умиленный
Твои творенія читалъ.
Въ нхъ свѣтѣ быстро исчезали
Унылой жизни облака,
Скрывались горькія печали
И неотступная тоска!
Ни въ чемъ себѣ не измѣняя,
Вездѣ душой согрѣтъ твой стихъ,
Вездѣ видна любовь святая
Въ мечтахъ и помыслахъ твоихъ;
А съ ней намъ дольный міръ не тѣсенъ,
Не рвемся къ выспреннимъ странамъ —
Въ любви, на звукъ призывныхъ пѣсенъ,
Онѣ на землю сходятъ къ намъ!

Что-жь лучше, думой-ли мятежной
Пренебрегать, что намъ дано,
Или ростить съ заботой нѣжной
Плода нетлѣннаго зерно —
Лелѣять жизнь, какъ жизни сѣмя,
Какъ даръ божественныхъ щедротъ,
Пока, въ назначенное время,

Она родитъ свой вѣчный плодъ? —
О, лучше, лучше несравненно
Благословлять судьбы земли,
Чѣмъ проклиная ихъ, надменно
Блуждать въ невѣдомой дали! —
Чѣмъ въ небѣ мыслями теряться,
А злобы ядъ на прахъ точить —
О, лучше въ прахѣ оставаться
И небо въ сердцѣ заключить.

А. Мейснеръ.

БАЛЛАДА.

—

Не тревожься, ангелъ мой!
Въ часъ полуночи нескромной,
Кто застанетъ насъ съ тобой
Здѣсь, подъ тѣнью, въ нѣгѣ томной?
И застанутъ, что же намъ?
Я тебя плащемъ покрою,
Назову своей сестрою,
И въ обиду имъ не дамъ.
Если жъ кто внезапнымъ крикомъ
Здѣсь нарушитъ тишину,
Я ему, со смѣхомъ дикимъ,
Въ сердце острый ножъ воткну.

С.

(*Подражаніе Арабскому*).

Я помню то время, тотъ день упоительный,
Какъ дѣва въ пустынный шатеръ мой пришла.
Дыханіе устъ ея медъ усладительный,
Лице ея полная въ небѣ луна.
Склоняясь, она мнѣ шептала съ лобзаніемъ:
Сожми меня, милый, въ объятьяхъ своихъ,
И требуй отвѣта сердечнымъ желаніямъ —
Никто здѣсь не видитъ друзей молодыхъ.
А я отвѣчалъ ей: одеждой докучною
Зачѣмъ ты покрыта вся, сбрось ее съ плечъ;
Въ ножнахъ не любуюсь я саблею звучною,
Въ ножнахъ непріятенъ закованный мечъ.
Цвѣтка хоть прекраснаго, но не развитаго,
Подъ зеленью темной, на вешнемъ лугу,
И мѣсяца, черною тучей повитаго,
И дѣвы въ покровахъ любить не могу!

Николай Гербановскій.

Одесса.

СОНЪ.

—

Всю ночь мнѣ снился образъ твой :
Я обнялъ жаркою рукой
Твой станъ, обтянутый снуровкой ;
Я говорилъ : моею будь !
И ты въ отвѣтъ, ко мнѣ на грудь
Склонилась чудною головкой.
Но вотъ разнесся какъ туманъ
Очаровательный обманъ
Души настроенной тобою. —
Напрасно я тебя зову ;
Нагая правда — на яву —
Стоитъ одна передо мною.

Люблю я ночь и чары сна ;
Тогда на сердцѣ тишина :
Оно, довольное, не проситъ....
А лучь проснувшагося дня —
И призракъ счастья отъ меня,
Какъ бы завидуя, уноситъ.

Н. Степановъ.

РЕМЕСЛЕННИКУ ЖИВОПИСИ.

—

Зачѣмъ рисовщихъ безразсудный,
Ты портишь кистью полотно;
Не оживится жизнью чудной
Въ кругахъ торгующихъ оно.
Искуство движется любовью
И міръ его, какъ солнце, чистъ;
Ни для наградъ, ни по условью
Не зиждетъ истинный артистъ.
Ты можешь дать своей работѣ
Глазамъ невѣждъ угодный видъ,
Но тотъ, въ комъ знаній свѣтъ разлитъ,
Лишь въ торопливомъ оборотѣ
На твой рисунокъ поглядитъ,
И обходя его замѣтитъ,
Къ упадку торга твоего —
Здѣсь все искуственностью свѣтитъ,
Но все бездушно и мертво.

А онъ, художникъ вдохновенный,
Постигшій творчества законъ,
Онъ кисть возметъ — и лоскутъ бренный,

И мертвый холстъ, и прахъ презрѣнный
Вдругъ чудотворно оживленъ!
Вотъ снимокъ сталъ съ природой рядомъ,
Ей подражаніе и честь,
И ты готовъ, смущеннымъ взглядомъ,
Его безумно предпочесть!

Въ частяхъ великаго созданья
Какъ точно вѣрны всѣ черты,
А въ цѣломъ сколько полноты,
Какая ловкость сочетанья!
Не совершенно-ли оно?
Не кажется-ль тебѣ, что геній
Живые образы твореній
Искусно вставилъ въ полотно? —
Какъ изобильно тутъ разлиты
Идея, жизнь и красота,
Какая чувства теплота,
Какъ страсти лицъ тебѣ открыты!
Ты не слыхалъ о нихъ, но въ мигъ
Ихъ повѣсть длинную постигъ;
Они понятно, хоть безъ звука,
Прочли душѣ твоей разсказъ —
И ты отвесть не можешь глазъ,
Съ холстомъ тяжка тебѣ разлука!

Вотъ это мастеръ. Для него
Доступно высшее искуство;
Онъ, силой духа своего,
Въ безжизненное вещество
Умѣетъ влить и жизнь и чувство.
Ему писать! своихъ картинъ
Не осквернитъ онъ цѣлью торга;
Нѣтъ, вдохновенный неба сынъ,
Безъ всѣхъ разсчетовъ, онъ одинъ
Творитъ для общаго восторга!

Поди-жь, ремесленникъ земной,
Корыстью движимый художникъ,
Сожги всю утварь и треножникъ
Въ своей торговой мастерской.
Иную выбери дорогу,
Какъ хочешь золото стяжай ;
Но Рафаелевскому богу
О немъ молиться не дерзай.

А. Мейснеръ.

ПО СЛѢДАМЪ АНАКРЕОНА.

—

I.

ПРИЗЫВЪ.

—

Эригона! лучъ денницы
Поле влажное не жжетъ,
И заботливыя птицы
Въ дальній край стремятъ полетъ.
Осень, милая намъ гостья,
Воцаряться начала;
Золотистые колосья
Обвила кругомъ чела.

Эригона, въ это время
Непремѣнно мы должны
Отложить печалей бремя
По законамъ старины.
Дѣдовъ рѣзвые потомки
Сплетемъ мы хороводъ;
Твой кимвалъ далеко-звонкій
На луга насъ поведетъ;
Флейты, бубны и цѣвницы,
И вино согрѣютъ кровь.....
Есть на Сѣверѣ дѣвицы,
Есть на Сѣверѣ любовь!

II.

ТОСТЪ.

—

Межъ вакханокъ быстроногихъ
Ты владѣешь мной одна ;
Въ честь тебя одной, изъ многихъ,
Пью я кубокъ мой до дна.

Пью — и страстью вдохновенный
Восклицаю мой обѣтъ :
— Этой нимфы несравненной
Въ цѣломъ мірѣ краше нѣтъ !

О, когдабъ рукою смѣлой
Удалось мнѣ обогнуть
Гибкій мраморъ выи бѣлой,
Нѣгой дышащую грудь ; —

О, когдабы въ мракѣ ночи
Могъ я, дерзкій, лобызать
Полныя слезами очи,
Трепетъ сердца осязать !....

Милыя твои оковы
До могилы бы носилъ
И у Вакха дѣвы новой
Никогда бы не просилъ.

Объ одномъ молитвы пѣть я
Сталъ бы вѣчнымъ небесамъ:
Дайте, боги, долголѣтья
Нимфы царственнымъ красамъ.

III.

ПОВЕЛИТЕЛЬНИЦА.

—

Кудрей пышными волнами
И восточной красотой
Щеголяешь ты предъ нами —
Золотистой смуглотой.

Робко сѣвера дѣвица
Кроетъ нѣжный цвѣтъ ланитъ,
Если жаркая денница
Поле мертвое палитъ.

Ты одна рѣзвиться смѣешь
Отъ лучей не скрывъ лица;
Солнца дочь, ты хорошеешь
Поцѣлуями отца.

Блескъ чудесный облекаетъ
Высь надменнаго чела;
Взглядъ твой сердце проникаетъ,
Какъ огнистая стрѣла.

Передъ волею упорной
Неразгаданныхъ затѣй,

Молчаливый и покорный,
Вѣрный рабъ твоихъ страстей,

То съ улыбкою, слезою,
То съ боязнію порой,
Какъ небесною грозою
Я любуюся тобой.

И царицы вѣчно-гнѣвной,
И любовницы младой,
Мнѣ отрадно быть смиренной
Жертвой прихоти нѣмой.

IV.

САФО.

—

Сафо, рано пылъ мятежный
Сердце юное проникъ;
Рано страсти неизбѣжной
Изучила ты языкъ!
Въ мірѣ чувства безграничномъ —
Слезъ, восторговъ, красоты,
Духомъ, дѣвѣ необычномъ,
Рѣешь и витаешь ты.

О, когда рука младенца,
Угадавъ небесный строй,
Переводитъ стоны сердца
Лиры звучною игрой; —
О, когда уста дитяти,
Свѣжестью блистая розъ,
Льютъ намъ пѣсни благодати,
Провѣщаній и угрозъ; —
О, когда отроковица,
Феба чувствуя приходъ,
Словно зоркая орлица,

Крылья духа разовьетъ, —
И въ надзвѣздныя селенья
Полетитъ сквозь дымъ и паръ, —
Боги, въ это ли мгновенье
Вы готовите ударъ?
Въ сей ли часъ, для всѣхъ надежный,
Ваша гнѣвная рука
Сокрушаетъ стебель нѣжный
Полъ-разцвѣтшаго цвѣтка!

V.

ИСТИНА.

Не ручайся постоянной
Не клянися вѣрной быть;
Обѣщай мнѣ, другъ желанный,
Всей душой меня любить.

Тотъ безумецъ, кто не ловитъ
Упоеній легкій часъ
И на будущность готовитъ
Счастья долгаго запасъ.

Время жадное уноситъ
И здоровье, и мечты;
Дни забавъ летучихъ коситъ,
Словно вешніе цвѣты.

Быть умѣреннымъ забота
Предназначена не мнѣ;
Я не вѣдаю расчета
Въ страсти, дружбѣ и винѣ.

Убѣдись же симъ признаньемъ,
Молодая красота!
И отдай моимъ лобзаньямъ
Перси, очи и уста.

VI.

ЗАВИДНЫЙ СОНЪ.

—

Гдѣ ручей въ сѣни глубокой
Темныхъ яворовъ бѣжитъ,
Тамъ въ гробницѣ одинокой
Бѣдный юноша лежитъ.
Скрытый нѣжными руками
Прахъ — не давитъ мавзолей,
Но украшенъ холмъ вѣнками
Розъ, фіалокъ и лилей.
Почитая блескъ и силу
Дѣти гордаго труда
Видѣть скромную могилу
Не сбираются сюда;
Но цѣня прямое чувство,
Благородный сердца жаръ,
Свѣтлый умъ, рѣчей искуство
И высокихъ пѣсенъ даръ, —
(Рано сжатые посѣвы,
Не успѣвшіе дать плодъ!) —
Здѣсь сплетаютъ часто дѣвы
Погребальный хороводъ,
И когда пастухъ сзываетъ
Стадо раннее рожкомъ, —
Муза друга вызываетъ,
Плачутъ граціи тишкомъ.

Мнѣ ли сѣтовать, что рано
Дни твои Сатурнъ пресѣкъ?
Не на грозномъ полѣ бранномъ
Довершилъ ты юный вѣкъ;
Не мятежная пучина
Залила твой легкій челнъ;
Не суровая чужбина
Стережетъ глубокій сонъ:
Тотъ же холмъ, гдѣ праздникъ сладкій
Ты недавно пировалъ,
Нынѣ милые остатки
Въ нѣдра тихія пріялъ;
Филомела не допѣла
Гимнъ любви въ сѣни вѣтвей,
И остынуть не успѣло
Сердце Делiи твоей.....

Ахъ, когда златую младость
Мы не можемъ продолжить,
Для чего прямую радость
Съ ней утратя, долѣ жить?
Для чего намъ въ дни заката,
Не дѣля творенья пиръ,
Зрѣть очами автомата
Оживленный Божій міръ?

Счастливъ, кто любовь и силу
До кончины сохранилъ,
Кто въ нежданную могилу
Съ пѣсней радости сходилъ;
Вдохновенную цѣвницу
Умирая, строить могъ,
И унесъ съ собой въ гробницу
Свѣжій миртовый вѣнокъ.

VII.

ПРИЗРАКЪ.

—

Сицилiецъ мореходный,
Помня дѣдовъ ремесло,
По равнинѣ водъ свободной
Движетъ легкое весло.

Солнце, бѣгъ кончая дневной
Догорающей красой,
На лазури средиземной
Стелетъ помостъ золотой,

И надъ спящими волнами,
Низлетая съ высоты,
Вечеръ легкими крылами
Сѣетъ думы и мечты.

Тихи рощи и долины,
Всходятъ мѣсяца рога;
Величавыя картины
Взорамъ кажутъ берега:

Вотъ руины храма Славы,
Башни— стѣны— темный ровъ.....

Гробы царственной державы!
Прахъ минувшихъ городовъ!

Даръ оставя намъ чудесный,
Здѣсь числитель и поэтъ,
Спятъ въ могилѣ неизвѣстной —
Ѳеокритъ и Архимедъ.

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Но когда въ красѣ восточной,
Саркофагъ иныхъ племенъ,
Замокъ Цизы непорочной
Вдругъ появится изъ волнъ:

На рѣзныхъ колонахъ ходы,
Легкій теремъ, звучный гротъ;
Шпицы, стрѣльчатые своды,
Арабески, водометъ,

Розъ душистыя короны,
Кипарисные листы,
И балконъ, а на балконѣ
Ликъ небесной красоты.....

Бросивъ вѣрное кормило,
Юный плаватель сквозь тьму
Видитъ образъ, сердцу милый,
Простираетъ длань къ нему.

Тщетно! легкій призракъ бѣлый
Улетаетъ въ глубь терасъ;
Манитъ въ замокъ опустѣлый
И скрывается отъ глазъ!.....

О, за чѣмъ тебя здѣсь боги,
Мавританская звѣзда,
Въ сокрушенные чертоги
Заключили навсегда?

Или за мірскія нѣги
Ты утратила эдемъ,
И пустынны эти брегн
Сторожатъ твой вѣчный плѣнъ, —

Или, неба грустный житель,
Помня воды и цвѣты,
Ты въ родимую обитель
Улетѣла съ высоты!.....

VIII.

СОРЕВНОВАТЕЛЬ.

—

Я не грекъ, но доли нашей
Первенства не уступлю:
Также веселъ я за чашей,
Также пылко я люблю.
Что нужды, что рвать намъ розы
Цѣлый годъ не суждено:
Не пріятнѣе-ль въ морозы
Пить янтарное вино?
Свистъ Борея тѣшитъ мужа,
Пусть зима идетъ: ужель
Остудитъ мнѣ сердце стужа,
Охладитъ мой духъ мятель?
Встрѣтя милой дѣвы взгляды,
Южныхъ звѣздъ я не прошу:
Небо свѣтлое Эллады
Въ молодой груди ношу.
Другъ классической державы,
Наслажденья вѣрный сынъ,
Изуча былые нравы
Обитателей Аѳинъ,

По благому ихъ примѣру
Всѣхъ языческихъ боговъ —
Феба, Вакха и Венеру
Жертвой чествовать готовъ!
По урокамъ ихъ, свободной
Я лелею пѣсенъ жаръ;
Звуки лиры благородной!
Апполона чудный даръ!
Хорейческія строки,
Словно брызги серебра,
Словно водъ живыхъ потоки,
Изтекаютъ изъ пера!

IX.

КРЫЛАТЫЙ СЧАСТЛИВЕЦЪ.

—

О сафиръ одушевленный,
О порхающій цвѣтокъ,
Гость натуры вожделѣнный,
Беззаботный мотылекъ!
Межъ летучими полками
Ты уваженъ и почтенъ;
Златомъ, бархатомъ, шелками,
Какъ властитель, облеченъ.
Самъ Персидскій царь надменный,
Кодоманъ, Истаспъ и Охъ,
Обладая полвселенной,
Такъ рядиться бы не могъ!

Хладъ зимы и жизни холодъ
Пусть грозятъ инымъ собой:
Цѣлый вѣкъ красивъ и молодъ
Умираешь ты съ весной.
Не оканчивая пира,
Сынъ мгновенья одного,
Знаешь ты восторги міра,
А не знаешь слезъ его!.....

Твой обѣдъ струей медовой
Изтекаетъ изъ плодовъ;
Въ чашѣ розы пурпуровой
Для тебя ночлегъ готовъ;
Тамъ, въ чертогѣ благовонномъ,
(Имъ гордились бы цари!)
При жужжаньѣ мошекъ томномъ
Засыпаешь до зари.
Бережетъ тебя и холитъ
Ароматная постель,
Для тебя нарядъ готовитъ,
Зыблясь, будто колыбель; —
И едва лучи денницы
Упадутъ на лоно водъ,
Въ обновленной багряницѣ
Пышенъ, суетенъ и гордъ,
Ты за легкой Галатеей
Мчишься въ рощи по лугамъ
И любовною затѣей
День оканчиваешь тамъ.

Безъ страстей и мукъ ревнивыхъ,
Безъ условій и оковъ,
Въ упоеніяхъ игривыхъ
Свѣжій миртъ твой вѣчно новъ;
Забывая лугъ за лугомъ
По желанью своему,
Остаешься вѣрнымъ другомъ
Наслажденью одному, —
И подругъ крылатыхъ лѣтомъ
Перемѣнишь ты не разъ,.....
Мотылекъ счастливый! Въ этомъ
Я завидую подчасъ!

X.

НЕВОЛЬНАЯ ИЗМѢНА.

—

Аравійскимъ ароматомъ
Умастя свои власы,
Вся блистающая златомъ,
Нѣгой, чарами красы,
Мнѣ вечоръ она предстала!
Какъ лазурный небосводъ
Изъ порфира и опалла
Одѣвалъ насъ легкій сводъ.
Въ сокровенную обитель
Проникая въ первый разъ,
Изумленный, робкій зритель,
Возвести не смѣлъ я глазъ;
Обожалъ я, какъ святыню,
Ликъ волшебницы младой,
И не смертную — богиню
Думалъ видѣть предъ собой;
Словъ пугаясь святотатства,
Передъ ней нѣмѣлъ языкъ;
Силу прелестей, богатства
Я вполнѣ тогда постигъ!

Благовоніемъ куреній
И цвѣтовъ окружена,
Упивалась негой лѣни
Величавая жена.
Смоляныхъ кудрей потоки,
Разбѣжавшіеся врозь;
Трепетъ, огненныя щеки,
Взоръ, пронзающій насквозь;
Бѣлыя, нагія руки,
Жажда страсти на устахъ,
Выраженье сладкой муки
Въ томно-голубыхъ очахъ;
Грудь безъ дымки; непорядокъ
Соблазнительныхъ одеждъ, —
Все раждало чувствъ припадокъ
И безуміе надеждъ.

Еслибъ медлилъ я предаться
Обаянью въ тѣ часы, —
Люди бъ стали сомнѣваться
Въ всемогуществѣ красы;
Еслибъ я въ мгновенье это,
Другъ, тебѣ не измѣнилъ,
Чѣмъ бы передъ строгимъ свѣтомъ
Хладъ преступный извинилъ?
Я бъ изъ власти женщинъ вышелъ,
Коихъ вѣчно обожалъ,
И прощенья бъ не услышалъ,
И пощады бъ не узналъ!
Разнеслись бы злыя рѣчи,
Что я камень, что я ледъ.....
Дѣва, при подобной встрѣчѣ
Измѣню я и впередъ.

XI.

МИЛЫЕ ГОСТИ.

—

Знайте: съ солнечнымъ закатомъ
Въ гробѣ спящіе встаютъ,
Дышутъ розы ароматомъ,
Сладкій Божій воздухъ пьютъ:
Ахъ, не можетъ быть природа
Столь къ дѣтямъ своимъ люта,
Чтобъ была имъ дверь исхода
Въ міръ навѣки заперта!

Длинной, легкой вереницей
Разстилаясь при лунѣ,
Мчатся въ даль они, какъ птицы,
Къ незабвенной сторонѣ,
Гдѣ любили, гдѣ вкусили
Юной жизни даръ благой,
И впервые оросили
Щеки сладкою слезой;

Гдѣ узнали съ рокомъ битвы,
Прелесть дружбы и родства,
Силу горя и молитвы,

Гнѣвъ и милость Божества.
Край священный передъ ними!
Все опять имъ отдано!
Вновь составили съ живыми
Нераздѣльное звено!

Рядъ дубовъ, цвѣтникъ у дома,
У рѣки зеленый лугъ, —
Все имъ мило и знакомо,
Какъ старинный, вѣрный другъ.....
И полетъ ихъ благотворный
Слышутъ нѣжныя сердца,
Разумѣетъ умъ покорный,
Видитъ вѣщій взоръ пѣвца.

XII.

СЧАСТІЕ И ВЕЛИЧІЕ.

—

Въ часъ, когда для жизни сердца
Я пришолъ въ міръ суеты, —
Мать желаннаго младенца
Положила на цвѣты,
И сказала: для того ты
Пеленой весны повитъ,
Чтобъ въ очахъ твоихъ заботы
Принимали счастья видъ;
Чтобъ улыбкой молодою
Красовалося чело,
Чтобы все передъ тобою
Жило, пѣло и цвѣло. —

Съ той поры, хотя печали,
(Наважденье адскихъ силъ!)
На пути меня встрѣчали,
Но отъ нихъ я уходилъ.
Другъ безпечности любезной,
Чадо нѣги и весны,
Въ вѣкъ холодный и желѣзный
Золотые вижу сны.

Бѣдность роскошью мнѣ зрится,
Сводомъ мраморнымъ шалашъ
И въ душѣ моей гнѣздится
Нестарѣющая блажь.
Рѣзвыя люблю забавы,
Скучнаго бѣгу труда,
Не желаю громкой славы,
Не боюсь людей суда.
Лишь хотѣлъ бы, лиру строя
И прядя напѣвовъ нить,
Чувство мира и покоя
Въ сердце братій перелить.
Пусть другой, надменъ и шуменъ,
Обожаетъ славы ликъ:
Кто былъ счастливъ — былъ разуменъ,
Кто счастливилъ — былъ великъ.

XIII.

САТИРЫ.

—

Лишь проглянетъ надъ востокомъ
Дня златая полоса,
Звучнымъ пѣніемъ и скокомъ
Оглашаемъ мы лѣса.
Бѣгъ тяжелый, громкій хохотъ,
Бурной пляски дружный топотъ
Раздаются за холмомъ,
И обходитъ кругъ веселый
Мѣхъ упругій и тяжелый,
Преисполненный виномъ, —
И пытая силъ отвагу
Осушаютъ до чиста
Жизнедательную влагу
Бородатыя уста.

Въ ночь туманную отходимъ
На душистую траву,
Безконечный хоръ заводимъ
Крикомъ медленнымъ: ау!
Странникъ, сбившійся съ дороги,

Слышетъ голосъ, видитъ роги —
Черезъ лѣсъ давай Богъ ноги, —
Мы гурьбою по слѣдамъ,
Плещемъ радостно въ ладони
И испуганнаго гонимъ
По болотамъ и кустамъ.

Но веселою цѣвницей
Знаемъ тоже мы владѣть,
Для красавицы-дѣвицы
Цѣлу ночь готовы пѣть.
Камней, ягодъ, розъ, игрушекъ
Много въ полѣ есть у насъ:
Ими лакомыхъ пастушекъ
Обольщали мы не разъ.

XIV.

ЗОИЛЪ НА ПИРУ.

—

Ты, извѣстный въ мірѣ злостью!
Ты, который слабъ и хилъ,
Музу, дѣвственную гостью,
Грубой лаской оскорбилъ!
Врагъ заклятый Аполлона,
Ненавистникъ высоты,
Тощей кравой фараона
Пожирающій цвѣты!
Предъ тобой союза чаша,
Научись у насъ любить, —
Сядь и пей; бесѣды нашей
Ты не въ силахъ отравить.

Пей, незнающій объятій
Милой дружбы и родства,
Безполезный членъ собратій,
Чадо зла и сиротства!
Одинокій, отлученный,
Не постигшій мыслей бѣгъ;
Пей, слѣпецъ ожесточенный,
Пей, несчастный человѣкъ!

Никогда ты не привѣтилъ
Дарованія залогъ;
Чувствомъ чувству не отвѣтилъ,
Думой думѣ не помогъ.
Взглядъ и рѣчь боговъ любимца,
Вдохновенія печать,
Мучимъ жаждой лихоимца,
Не хотѣлъ ты замѣчать.
Изощряя умъ упорный
И питая желчью грудь,
Ты язвительные терны
Сыпалъ Генію на путь;
Жаръ и чувство молодое
Съ хитрой злобой порицалъ,
И безсмертное, святое,
Словно демонъ, отрицалъ!
Тщетны жалкія усилья!
Погляди: орелъ простеръ,
Двинулъ царственныя крылья —
И изчезъ надъ высью горъ.

Бернетъ.

СЛЕЗЫ.

—

О лейтесь слезы передъ Богомъ
Въ святой, молитвенной тиши :
Пусть вашей каплею и вздохомъ
Страданье выйдетъ изъ души....
О лейтесь..... Плакать Богъ позволилъ,
Онъ ропотъ грѣшный запретилъ,
Но слезы.... слезы самъ онъ пролилъ,
Когда на землю приходилъ.
Да, я извѣдалъ вашу сладость,
Извѣдалъ вашу благодать :
Кому не въ радость жизни радость,
Тому осталося — рыдать.....
Рыдать — но только бы рыданье
Послушать міръ чужой не могъ :
Страшна мнѣ жертва состраданья....
Пусть горе знаетъ только Богъ !

Х. Шевцовъ.

УЗНИКЪ.

—

Скажи мнѣ, ласточка, зачѣмъ
Съ небесъ не званная ни кѣмъ
Слетѣла ты ко мнѣ?
Вернися къ небу изъ тюрьмы,
Тутъ въ царствѣ ночи и зимы
Не помнятъ о веснѣ;
Лети и птичкамъ говори,
Что есть мѣста, гдѣ нѣтъ зари,
Дубравъ, небесъ и водъ;
Ты имъ скажи, крылатый другъ,
Что здѣсь нѣтъ воли и подругъ,
А человѣкъ живетъ.
Но, можетъ, крылья вѣтерка,
Тебя несли издалека
Посланницей сюда;
Быть можетъ, ты щебечешь мнѣ
О тѣхъ краяхъ, гдѣ я во снѣ
Бываю иногда;
Щебечешь мнѣ про мирный домъ,
Гдѣ я живалъ съ моимъ отцомъ
И матерью моей.
Подъ ихъ защитою когда
Ты не лепила-ли гнѣзда,
Не вывелаль дѣтей?
Любуясь ими въ тишинѣ
Не вспоминалиль обо мнѣ
Съ любовью старики?

Иль, молча, думали они:
«За что мрачитъ онъ наши дни
Отравою тоски.»
Иль ты шебечешь мнѣ о томъ,
Какъ слезы льетъ отецъ тайкомъ,
Какъ явно плачетъ мать?
Иль и они съ лица земли
Отъ тяжкой скорби перешли
Въ могилу почивать?
А я живу — и долгихъ дней
Въ тюрьмѣ — отъ сѣверныхъ ночей
Не въ силахъ отличить;
Я будто вживѣ погребенъ —
И въ тѣсномъ гробѣ осужденъ
И мыслить и любить. —
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
И сердце ноетъ о странѣ,
Гдѣ будутъ часто обо мнѣ
И плакать и жалѣть....
Лети, лети, крылатый другъ,
Здѣсь нѣтъ ни воли, ни подругъ,
Тутъ страшно и темно.
О! еслибъ я съ тобою могъ,
Переступить тюрьмы порогъ,
Иль вылетѣть въ окно.....
Смотря на вольную — тебя,
Хотѣлъ бы сбросить я съ себя
Мучительную цѣпь —
Пускай удержатъ мой полетъ,
Когда душа, какъ ты порхнетъ
Въ лазоревую степь.

П. Степановъ.

АѲИНСКІЙ ИЗГНАННИКЪ.

—

«Впервые мысль теряется въ сомнѣньяхъ,
И умъ колеблется, невѣдѣнье храня, —
Впервые, въ долгихъ размышленьяхъ,
Страстями истина закрыта для меня.
На пагубу мою, мнѣ жребіемъ коварнымъ
Данъ выборъ здѣсь, въ гоненьи роковомъ,
Между отечествомъ моимъ неблагодарнымъ
И благодѣтелемъ врагомъ.
Кому мнѣ измѣнить, кому остаться вѣрнымъ,
Кого другому предпочесть?
Что мнѣ избрать, какъ долгъ и честь,
Покорность-ли крамоламъ безпримѣрнымъ,
Или признательность и сладостную месть?....

Аѳинамъ шагъ одинъ остался до паденья,
Казалось пробилъ ихъ послѣдній, смертный часъ;
Но я возсталъ для ихъ спасенья,
Взялъ мечъ — и славный городъ спасъ.
За подвиги мои въ стезяхъ патріотизма,
Чтожь родина моя въ награду принесла? —

Она меня, закономъ остракизма,
Изъ лона своего съ позоромъ изгнала....

Аѳинъ спаситель и изгнанникъ,
Прославленный, безъ права, я блуждалъ,
Въ нѣмомъ страданіи конца себѣ искалъ,
И съ этой цѣлью, скорбный странникъ,
Царю Персидскому представалъ.
Отброшенъ мной, гонимъ подобно праху,
Съ полками онъ не могъ сразить меня въ бою,
И вотъ — я самъ принесъ къ нему на плаху
Жизнь безполезную свою.....

Но Ксеркъ забылъ позоръ близъ Саламины,
Великаго врага, какъ друга, принялъ онъ,
И тотъ, кого унизили Аѳины,
Въ Сардесѣ имъ возвышенъ и почтенъ.
Чего отъ Грековъ я не получилъ по праву —
За униженье тѣмъ мнѣ Персы воздаютъ;
Богатство, почести и славу
Они враждебному изгнаннику несутъ.

Но Аттика кровавою войною
Вновь поднимается на Ксерксову страну,
И онъ, разбитый прежде мною,
Ввѣряетъ мнѣ теперь съ отечествомъ войну.
Отечество!.... Но именемъ отчизны
Какой изъ двухъ краевъ я долженъ называть?
Могу-ли я, безъ укоризны,
На Грецію за Ксеркса мечъ поднять?
Поруганъ Греками, безвинный, изгнанъ ими,
Какъ трусъ презрѣнный за побѣгъ,
Я осыпаю ихъ проклятьями своими,
Но сердцемъ — все еще я Грекъ!
Уваженъ Персами, съ тропы моей тернистой,
Поставленъ къ трону ихъ, какъ лучшій гражданинъ,

Я полонъ къ нимъ признательности чистой,
Но все они — враги моихъ Аѳинъ!....

Мнѣ тяжело; въ груди моей стѣсненной
Я цѣлый адъ лютѣйшихъ мукъ ношу. —
Подай мнѣ, рабъ, мой кубокъ непзмѣнный,
Я въ немъ пожаръ сердечный погашу.
Кто честно жилъ, тотъ приметъ смерть достойно,
Когда судьбы конца его хотятъ.....

Изъ рукъ раба онъ кубокъ взялъ спокойно
И выпилъ — смертоносный ядъ.
Промчались сонмы лѣтъ по смерти Ѳемистокла,
Могильный холмъ его изгладили вѣка;
Но слава древняго героя не поблекла —
Все зеленъ лавръ его вѣнка!

А. Мейснеръ.

(*Изъ В. Гюго.*)

Ты видишь эту вѣтвь, побитая грозою,
Она безжизненна. Но подожди, съ весною,
Какъ только къ намъ придетъ Іюньская пора,
Ея засохшая и чорная кора,
Согрѣтая весны живительнымъ дыханьемъ,
Замшится зеленью, дохнетъ благоуханьемъ.

Спроси-же у меня, безцѣнный ангелъ мой,
Зачѣмъ наединѣ, увидѣвшись съ тобой,
Я забываю все и горе и страданье;
Зачѣмъ въ душѣ моей живѣй воспоминанье,
Зачѣмъ ярчѣй огонь горитъ въ глазахъ монхъ,
Зачѣмъ свѣтлѣе мысль и звонче каждый стихъ?

Ахъ, это оттого, что здѣсь ни что не вѣчно:
Все перемѣнчиво, легко и скоротечно;
Что въ слѣдъ за яркимъ днемъ идетъ ночная тьма,
За жаркою весной холодная зима,
За радостью печаль, за горемъ снова радость,
А за разлукою твоей улыбки сладость.

С. Дуровъ.

ПѢСНЯ.

—

Всѣхъ въ мірѣ благъ дороже мнѣ
Мужчиной милымъ обладанье;
Въ какомъ живительномъ огнѣ
Раскалено его лобзанье!

Теперь понятно мнѣ, о чемъ
Воркуютъ голуби весною,
И соловьи, въ лѣсу густомъ,
Поютъ полуночной порою.

Теперь я знаю, почему
Мнѣ иногда такъ грустно было,
И отчего, на зло уму,
Тоской невольной сердце ныло. —

Зачѣмъ не нравился мнѣ Май,
Цвѣты весны и птичекъ пѣнье, —
Зачѣмъ я, будто невзначай,
Шла отъ подругъ въ уединенье....

Несносенъ былъ мнѣ цѣлый свѣтъ,
Чего-то все не доставало;
Но я люблю — и прежнихъ бѣдъ
И прежнихъ золъ, какъ не бывало!

Мейснеръ.

ЭПИЛОГИЧЕСКІЯ СЦЕНЫ ИЗЪ 6-й ЧАСТИ ПОЭМЫ: АЛЬМА.

—

СЦЕНА I.

Чертоги таинственнаго сумрака.

Хранительница (*къ Альмѣ, находящейся внѣ.*)

Альма другъ!.... Войди сюда
На рубежъ плотскаго тлѣнья!
Здѣсь тебѣ для омовенья
Приготовлена вода;
Здѣсь небесные наряды
Для веселья, для отрады,
На себя надѣнешь ты;
Въ нихъ наземная лилея
Чудодѣйственно — свѣтлѣя
Полнотою красоты,
Въ лучезарномъ лонѣ блага
Очаруешь Беніага!.....

Альма (*у дверей*).

О сопутница моя!
Я молю тебя мольбою,
Укрѣпи меня собою,
Дай мнѣ руку, чтобы я

Съ продолжительной дороги
Приходя въ сіи чертоги
Одинокой не была.

Хранительница (*вводя Альму*).

Ты не будешь одинока:
Намъ къ эдему не далеко,
И таинственная мгла
Вдохновительно и скоро
Прояснѣется для взора.

Лики́ванія невидимыхъ.

Моремъ плещетъ Благодать,
Бездной движется святая,
И съ тобою утопая,
Тамъ мы станемъ ликовать,
О гражданка молодая
Упоительнаго Рая!

СЦЕНА II.

Хранительница и Альма.

Альма.

Какъ торжественно меня
Вдругъ объяла, обновила
Восторгающая Сила
Занебеснаго огня!
О, теперь мнѣ близко къ Раю:
Я чудесно прозрѣваю,
И съ весельемъ узнаю
Въ этомъ сладкомъ ливнѣ блага
Поцѣлуи Беніага,
Какъ сопутницу мою
Я по голосу узнала,
Въ то мгновенье, какъ встрѣчала
Дѣву радостную ты,
Появляясь легкой тѣнью
И подобная видѣнью
Вдохновительной мечты!
О подруга, какъ у Бога
Непостижно свѣта много!
О подруга, какъ полны
Пресвятаго упоенья
Этѣ воды омовенья
Изъ державной вышины!

СЦЕНА III.

Хранительница.

Устреми восторга взоры
На таинственныя горы,
На Божественный Сіонъ;
Посмотри, какъ надъ лугами
То покато, то дугами
Высоко восходитъ онъ;
И жилище Іеговы,
Городъ вѣчный, городъ новый,
Духа—градъ, Ерусалимъ,
По верхамъ того Сіона,
Какъ алмазная корона
Возложенная Благимъ,
Упитавшися огнями
Надъ духовными странами,
До временъ, горитъ звѣздясь
Всемогущностію слова,
На которомъ Іегова
Основалъ творенья связь.....
Устреми ты, дѣва, взгляды
На Царевы вертограды,
На чудесныя древа:
Ими холмы здѣсь покрыты,
Ихъ плоды всегда налиты
И всегда у нихъ нова

И для взора такъ желанна
Эта каждая осанна.....
И раскошливо онѣ
Вѣтви Благости верховной
Дышатъ смирною духовной,
Зыблясь пышно въ тишинѣ.
Посмотри ты на вершины
Гдѣ Безмѣрный, Тріединый
Пребываетъ Саваоѳъ, —
Тамъ свѣтлѣетъ разлитое
Море — море золотое,
Безъ границъ и береговъ:
Это море, этѣ воды —
Бездна жизни, свѣтъ природы,
И по безднѣ въ вышинѣ
Плещутъ волны, волны Рая,
И созвучьями плѣняя
Въ устремленіяхъ онѣ
То плавны, то дивно скоры:
Это Божьи разговоры!....
Посмотри: съ высотъ Благихъ
Безконечно и навѣки
Развились, какъ ленты, рѣки,
И сіяютъ, будто въ нихъ,
Кто надъ міромъ сыплетъ громы,
Растопилъ Іаголомы,
И блестя безъ вещества
Тѣ державные потоки
Упоительно глубоки:
Это нѣга Божества!
Посмотри на ликованье
Безпредѣльнаго созданья;
Не чудесныль тѣ пиры?
Посмотри, какъ всюду смѣло
Развито Царево дѣло;
Какъ лучистые міры

Подъ Его дневнымъ наметомъ
Восторгающимъ полетомъ
Надъ безбрежностью парятъ,
Какъ орлицы надъ лугами
Протяженными кругами,
И чаруютъ зоркій взглядъ,
Проносясь, какъ исполины
Чрезъ лазурныя долины,
И всегда равно горя —
Вѣчно сильны, быстры, новы:
Это думы Іеговы,
Это помыслы Царя!.....
Посмотри: въ красѣ движенья
Оныхъ мыслей ополченья
Не оставлены Царемъ
Въ непробудно томномъ хладѣ,
И созданію къ отрадѣ
Онъ дохнулъ Своимъ огнемъ —
И Его Святая сила
Разожгла сіи свѣтила,
Эти солнца красоты;
Посмотри, какъ тѣ громады
Согрѣваютъ міріады
Возбужденьемъ теплоты,
И повсюду предъ очами
Огнеметными лучами
Проникаютъ съ быстротой,
Развивая жизнь созданья
Благотворностью вліянья,
И цвѣтится жизнью той
Вся безмѣрная долина:
Это чувства властелина!.....
Но подруга, Рай кипитъ:
Восхваляя свѣтъ Адона
Плещутъ жители Сіона,
И смотря на Царскій Видъ

Полный дружнаго участья
Загромчѣли въ кликѣ счастья;
Близокъ, Альма, твой женихъ,
Близокъ свѣточь благодати.

Альма.

Я готова для объятій,
Для лобзаній всеблагихъ.
И узря Владыку Рая,
Я любуюся взирая,
Какъ на пламенныхъ коняхъ
Онъ летитъ, быстрѣй Сераѳа
Въ колесницѣ изъ Питдаѳа,
Весь въ сіяньи, весь въ огняхъ,
Издали улыбкой свѣта
Вмѣсто звучнаго привѣта
Восторгаетъ Альму Онъ. —
И зовутъ меня желанья
На пиры очарованья:
Поспѣшай ты, мой Адонъ!

Невидимые.

Слава Царственной денницѣ,
Всеблагой Тріединицѣ!....
Не Она–ль въ себѣ зажгла
Море счастія Святаго
Силой Духа, жизнью слова?
Слава, честь и похвала!....

Слава дню Твоей Державы!....
Не Она–ль величьемъ славы
Все богато обвила,
И щедротами Начала
Все роскошно упитала! —
Слава, честь и похвала!....

Слава полдню упоенья !....
Не въ Его–ль красахъ нетлѣнья
Дѣва рай души нашла —
И горитъ она, ликуя
Отъ Царева поцѣлуя !....
Слава, честь и похвала !....

Альма.

Въ нѣгѣ онаго лобзанья —
Цѣлый міръ очарованья,
Всѣ восторги бытія,
Какъ изъ Божьяго Фіяла
Непостижно я узнала !

Бенiагъ.

Обманулъ–ли, Альма, Я ?....
Мирно горлица земная
Прилетѣла въ лоно Рая ;
Онъ разверстъ, и предъ тобой
Благодать моя царева :
Упивайся смѣло дѣва
Восхитительной судьбой.....
Ты державнаго плѣнила :
Ты спала, но ты любила ;
Ты спала, но ты въ мечтѣ
За Властительскимъ ученьемъ
Возвышаясь помышленьемъ
Къ свѣтозарной красотѣ,
Любовалась Ей одною ;
Ты спала — живи со мною !....
Преклонись главой къ Царю :
Вотъ святая Діадема
Изъ благой любви Эдема....

Альма.

Мой Владыко !..... я горю.....

Бенiагъ.

Ты въ долинѣ испытанья
Не отвергнула желанья
Убѣлить себя въ крови :
Для Божественности дѣла
Такъ охотно ты терпѣла,
Ты смирялась для любви,
И духовностью богата
Ты прими теперь отъ брата
Изъ блаженства Араловъ.

Альма.

Мой родной !.... я вся свѣтлѣю !....

Бенiагъ.

Будь супругою мосю !
Устремимся, пиръ готовъ,
Блещутъ радости начала !
Ты во снѣ о нихъ мечтала,
Но узнай ихъ на яву,
Ароматясь нѣгой крина
На груди у Властелина.....

Альма.

Какъ мнѣ сладко !.... я живу !

В. Соколовскій.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Магнетическій сонъ. (*Гр. Е. Ростопчина.*) 1
Тостъ. (*В. Бенедиктовъ.*) 3
Два отрывка изъ дневника въ Римѣ. (*А. Майковъ.*) . . 9
Эльборусъ. (*Мейснеръ*) 11
Могилы Гарема. (*Познанскій*) 13
Прости. (*Х. Шевцовъ*) 14
Родина. (*П. Степановъ*) 15
Отвѣтъ П. Ф. Т—му. (*Л. Якубовичъ*) 18
Одна изъ семи пѣсенъ, посвящ. Кларѣ. (*В. Филимоновъ*) 19
Люблю тебя за то,. (*С. Дуровъ*) . . . , ... 21
Болгарскія народныя пѣсни. (*Н. Протопоповъ*) 22
Дикарка. (*А. Майковъ*). 31
* * * Посв. В. Г. Бенедиктову. (*А. Пальмъ*) 33
Храмъ. (*Мейснеръ*) 34
Сонеты. (*В. Филимоновъ*). Кремль. 37
Шимборазо 38
Поэту 39
Жены! Невѣсты! 40
Графъ Мецъ. Поэма. (*Бернетъ*). 41
Отрывки изъ Стихотв. «Крымскіе виды.» (*В. Бенедиктовъ*).
Пещеры 73
Бахчисарай 75
Горы 77
Изъ Гете. (*Мейснеръ*) 79
Разсказъ Грека. (*А. Степановъ*) 81
Жажда покоя. (*С.*) 83
Н. А. Степанову. Отвѣтъ. (*Владиміръ Филимоновъ*). . . 84
Иновѣрка. (*К. Доводчиковъ*) 85
Марта. Сельское Стихотвореніе. (*Е. Огородниковъ*) . . . 87
Пловецъ. (*) 103
Іюнь. (*В. Филимоновъ*). 104

	Стр.
Основаніе Скадара. (*Н. Протопоповъ*)	106
Пѣсня. (*Е. Гребенка*)	111
Іоаннѣ д'Аркъ. (*А. Мейснеръ*)	112
Разочарованіе. (*Х. Шевцовъ*)	114
У всѣхъ насъ есть любимая забава. (*В. Григорьевъ*)	115
Женщинѣ безъ упрека. (*Н. Степановъ*)	116
Мы встрѣтились — (*С. Дуровъ*)	119
Часовой. (*А. Пальмъ*)	120
Е. Н. Ш. (*А. Мейснеръ*)	122
Баллада. (*С.*)	125
Подражаніе Арабскому. (*Николай Гербановскій*)	126
Сонъ. (*Н. Степановъ*)	127
Ремесленнику живописи. (*А. Мейснеръ*)	128
По слѣдамъ Анакреона. (*Бернетъ*).	
I Призывъ	131
II Тостъ	132
III Повелительница	134
IV Сафо	136
V Истина	138
VI Завидный сонъ	139
VII Призракъ	141
VIII Соперникъ	144
IX Крылатый счастливецъ	146
X Невольная измѣна	148
XI Милые гости	150
XII Счастіе и Величіе	152
XIII Сатиры	154
XIV Зоилъ на пиру	156
Слезы. (*Х. Шевцовъ.*)	158
Узникъ. (*Н. Степановъ.*)	159
Аѳинскій Изгнанникъ (*А. Мейснеръ*)	161
Изъ В. Гюго. (*С. Дуровъ*)	164
Пѣсня. (*Мейснеръ.*)	165
Эпилогическія сцены изъ 6-й части поэмы: Альма (*В. Соколовскій.*)	167

JUN 0 1939

LIBRARY OF CONGRESS

00025346221